

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

АНГЕЛЫ
НА ЛЬДУ

НЕ ВЫЖИВАЮТ **Том 2**

Каменская

Александра Маринина

**Ангелы на льду не
выживают. Том 2**

«Автор»

2014

Маринина А.

Ангелы на льду не выживают. Том 2 / А. Маринина — «Автор», 2014 — (Каменская)

Прыжок. Еще прыжок. Холодная сталь коньков молнией рассекает голубой лед... Фигурное катание – красивый и изящный спорт. Миллионы людей с замиранием сердца внимают выступлениям наших фигуристов. И вот в этот сказочный мир мрачной тенью врывается жестокое убийство. Застрелен Михаил Валентинович Болтенков – тренер высшей категории, человек-легенда, мастер, взрастивший не одного чемпиона. Тело обнаружено у дома его коллеги Валерия Ламзина. Свидетели подтверждают: тренеры встречались перед убийством, они ругались и угрожали друг другу... Дело, как говорится, «в шляпе». Но у Насти Каменской и ее друзей с Петровки – Антона Сташиса и Романа Дзюбы – свое мнение на этот счет. Им открывается правда о бесчеловечности и цинизме, пропитавших голубой лед. Лед, на котором ангелы не выживают...

© Маринина А., 2014

© Автор, 2014

Александра Маринина

Ангелы на льду не выживают. Том 2

© Алексеева М.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Антону с трудом удавалось заставить себя сосредоточиться на дорожной ситуации. Он чувствовал, что очень устал. Просто смертельно. И непонятно, от чего больше – от работы или от никак не решаемой, какой-то тупиковой личной ситуации. Он уже позвонил Эле и пообещал ей, что через час она сможет уйти домой. В принципе, время позволяло сделать еще что-нибудь полезное по работе, еще нет десяти вечера, но сил совсем не осталось. День сложился суетно, а начался вообще черт знает как...

С утра Сташиса вместе с Зарубиным вызвал начальник отдела и почти слово в слово повторил то, что накануне говорил руководитель следственно-оперативной группы, только в более резких выражениях. Общий пафос его речи сводился к тому, что нечего изображать видимость активности, разрабатывая тухлую версию, лучше делом заниматься, вон убийство тренера висит нераскрытое, а по нему, между прочим, не с ФСБ спрашивают, как по Ефимовой, а с МВД, то есть с них.

– И почему это у тебя реально один Дзюба работает, я тебя старшим назначил, а ты дурака валяешь! – выговаривал он Антону. – И ты, Сергей Кузьмич, куда смотришь?

Сергей Кузьмич во время этой тирады смотрел в потолок. Но когда они вернулись в свой кабинет, который делили на троих – Зарубин, Сташис и Дзюба, высказал Антону все, что думал. В том числе и насчет того, что молодого и не особо опытного Ромчика оставили один на один с делом об убийстве. Опер с территории, Федор Ульяновцев, особо не убивается, поскольку земля – она и есть земля, на ней каждый час что-то происходит, и нет у него времени.

Антон понимал, что Зарубин прав. Сташис действительно подключился к делу Болтенкова только накануне, подробно выпросив у Дзюбы все, что тому удалось выяснить, и съездив вместе с ним к спортивной журналистке Тамиле Аласания. После встречи с журналисткой они поделили направления, Ромка отправился разрабатывать линию обвиненного в педофилии покойного Аникеева, а Антон занялся поиском информации об упомянутом Тамилей молодом спортсмене, занимавшемся танцами.

Каждая беседа с потенциальным свидетелем приносила урожай в виде все новых и новых имен: спортсменов, тренеров, функционеров Москомспорта, Федерации фигурного катания РФ и Министерства спорта, журналистов, администрации спорткомплексов... Свидетельская база разрасталась не по дням, а буквально по минутам. А ведь помимо мотива для убийства оставался неразрешенным вопрос об оружии, из которого застрелили Болтенкова и которое так и не было найдено. Если убийца Ламзин, то где он его взял и, самое главное, куда дел? На сегодняшний день Ульяновцеву, как утверждал Дзюба, не удалось получить ни одного свидетеля, который рассказал бы, что Ламзин действительно собирался купить пистолет и искал возможности это осуществить. И ни в одной оружейной мастерской, даже обладавшей самой дурной

репутацией, Ламзина по фотографии не опознали как человека, который там появлялся хотя бы единожды. Не у себя же на кухне он собственноручно переделывал ствол травматика под стрельбу боевыми патронами! Бедный Ромка в самом деле разрывался на части, хорошо еще, что часть работы со свидетелями взяла на себя Каменская, которую адвокат привлек в качестве частного детектива.

За день Антону удалось опросить несколько человек, и к вечеру сложилась очередная история о Болтенкове, которая могла бы показаться чрезвычайно любопытной, если бы не закончилась трагически. Много лет назад в группе у Михаила Валентиновича Болтенкова тренировался мальчик по имени Евгений Зеленев. Хороший был мальчик, старательный, обладавший изумительным скольжением, в «школе», то есть в обязательных фигурах, ему не было равных. Он был одним из немногих, если не единственным, кто мог повторить фигуры Панина-Коломенкина. А это говорило о многом. Но увы... У него не было прыжка. Пластичный, артистичный, выразительный спортсмен, но если до тринадцати – четырнадцати лет он был технически вполне оснащен, то потом к 16 годам вдруг за короткий период сильно вытянулся в росте, мышцы стали длинными, и выполнять тройные прыжки он больше не мог. Не получалось ничего. Прыжок он потерял. И когда Евгению исполнилось семнадцать лет и стало понятно окончательно, что карьера одиночника у него никогда не сложится, тренер Болтенков посоветовал ему перейти в другую группу и заняться танцами на льду.

Зеленов очень любил фигурное катание и совету тренера последовал. Его поставили в пару, дали очень хорошую партнершу, ребята быстро прогрессировали и, что называется, выстрелили, с самого начала занимая достаточно высокие для новой, нескатанной танцевальной пары места на соревнованиях, как на внутрироссийских, так и на международных юниорских. Они сменили тренера, и вроде бы все шло к успеху. А потом что-то пошло наперекосяк, не сложилось, не получилось...

История была печальной, но неудачная попытка сделать карьеру в танцах на льду при помощи нового тренера не была в ней главным. Главным было то, что, к сожалению, суицидальная попытка Жени Зеленова закончилась смертью юноши. Несмотря на то, что врачи делали все возможное, чтобы его спасти. У него не выдержало сердце. И вот в этом оказался виновным не кто иной, как Михаил Валентинович Болтенков.

Чтобы это выяснить, Сташису пришлось разыскать и разговорить еще трех человек. Но в конце концов он получил более или менее цельную картинку.

В те времена, когда Зеленев тренировался у Болтенкова, Женя не восстановился после тяжелой ангины, однако тренер, Михаил Валентинович, заставил его поехать на соревнования. Так, как выяснилось, делают довольно часто, чтобы спортсмена, находящегося далеко не в лучшей форме, «подложить» под кого-то: либо другому спортсмену надо было мастера спорта получать, а для этого необходимо обыграть на соревнованиях двух уже действующих мастеров спорта, либо очки набирать. Изначально было понятно, что не оправившийся после ангины и пропустивший почти месяц тренировок пятнадцатилетний Евгений Зеленев выступит плохо, но зато тот, в ком заинтересованы, займет более высокое место и, соответственно, поднимется в рейтинге. Женя ехать на соревнования не хотел, говорил, что не в форме, что выступит плохо, что не готов... Но Михаил Валентинович настоял, велел не придуливаться и пригрозил, что если будет выкобениваться – не поедет на международные соревнования. Или еще чем-то припугнул. Мальчик поехал и выступил, действительно выступил плохо, пропустив вперед себя откровенно слабого спортсмена, то есть свою функцию выполнил. И свалился с осложнением на сердце. Потом, конечно, выздоровел, начал снова тренироваться, но проблемы с сердцем остались, оно после того случая заметно ослабело. В принципе, после попытки покончить с собой мог бы выжить, если бы сердце не подвело.

Вот и еще кандидаты на роль убийцы Болтенкова появились. Наверняка у Жени Зеленова остались родители, друзья, может быть – братья и сестры. Правда, непонятно, почему нужно

было ждать столько лет, ведь история эта началась, когда Жене было пятнадцать лет, закончилась через четыре года, и миновало с тех пор больше десятка лет. Хотя... если речь идет о, например, младшем брате, то вполне может быть... Мальчик вырос. Или девочка, сестра.

Надо в первую очередь искать родителей Жени Зеленова и разговаривать с ними. Посмотреть, что за семья, узнать, были ли у Жени друзья, готовые мстить. Ведь друзей тоже нельзя сбрасывать со счетов: когда все случилось, они еще были в спорте, занимались собственной карьерой, а если не в спорте, то учились в институтах, получали образование, профессию. И вот прошли годы, бывшие мальчики оперились, превратились в сильных молодых мужчин, почему бы не поквитаться за смерть друга?

Да, все это хорошо. Только сил у Антона Сташиса нет совершенно. И домой надо ехать, няню отпустить. И к родителям Зеленова. Хотя... Кое-какие справки он уже успел навести по телефону и знал, что отец Жени умер несколько месяцев назад, а мать допоздна будет занята на работе. Даже если поехать сейчас к ней, а не домой, к детям, то дверь Антону никто не откроет.

Но есть человек, которого можно попросить помочь. И ничего страшного, если он немного слукавит. Лукавство – это не ложь, а всего лишь вторая сторона правды.

Он достал телефон и быстро нашел номер Каменской.

– Анастасия Павловна, поможете? Замотался совсем, а у меня есть наводка на свидетеля, который может быть полезен в оправдании Ламзина. Только ехать нужно поздно вечером. А у меня дети, вы же в курсе.

Как он и надеялся, Каменская сразу согласилась поехать к матери Жени Зеленова, народной артистке России Алле Владимировне Томашкевич.

– А я уж подумала было, что вы меня избегаете, – усмехнулась Каменская. – Я ведь позвонила вам после встречи с Романом и ясно дала понять, что открыта для любого сотрудничества и мешать вам ни в коем случае не буду. А вы все не звоните и не звоните. Я решила, что вы меня игнорируете. Нет?

– Да вы что! – Антон даже задохнулся от негодования. Справедливости ради надо заметить, что негодование было наигранным и ничего подобного он на самом деле не испытывал.

Но его следующие слова были совершенно искренними.

– Я счастлив снова работать с вами! Просто, если честно, я только сегодня плотно подключился к делу Ламзина – Болтенкова, а до этого другим убийством занимался.

– Прощаю, – засмеялась Каменская. – Так вы говорите, Томашкевич сейчас на съемке? Где, не знаете? В павильоне или на натуре?

– Не знаю, – признался Антон. – А как это можно узнать? Мне только сказали, что до конца месяца она каждый день, кроме воскресенья, занята с семнадцати часов до позднего вечера, снимается в каком-то бесконечном сериале.

– Я узнаю, – пообещала Каменская. – И сегодня же попробую ее выловить. В крайнем случае – завтра с самого утра.

Антон с облегчением вздохнул. На сегодня все. А завтра с утра он отправится в Федерацию фигурного катания и поговорит с тем чиновником, который так трогательно опекал тренера Болтенкова, всячески помогал ему и расправлялся с его недоброжелателями.

* * *

К Игорю Эдуардовичу Шнитову, члену исполкома Федерации фигурного катания, Антон Сташис поехал без предварительной договоренности. Имя Шнитова Каменская назвала Дзюбе, и Ромка уже съездил к нему, но, конечно, никакого результата не добился: молод еще разговаривать с чиновниками такого уровня. Или такого характера. Нужно предпринять вторую попытку, тем более что помимо характеристики Ламзина можно получить у Шнитова и детали истории о том, как Болтенков выживал Аникеева.

Конечно, Антон ехал не на авось, выяснил предварительно по своим каналам, в котором часу Игоря Эдуардовича можно застать, но все равно пришлось потратить некоторое время на то, чтобы отловить чиновника. Никакой радости от визита оперативника Игорь Эдуардович, полный и слегка даже обрюзгший мужчина лет сорока пяти, разумеется, не выказал. О Валерии Петровиче Ламзине отозвался негативно и даже выражений особо не выбирал.

– Да он сволочь та еще и вполне мог убить, он еще с юности склонен к насилию и очень агрессивен, – заявил Шнитов безапелляционно.

Антон сделал вид, что впервые слышит об этом, хотя Ромка ему все подробно пересказал, и не только то, что слышал своими ушами, но и то, чем поделилась с ним Каменская.

– Агрессивен? А в чем это выражается?

– Ну как же! Болтенкову челюсть сломал, это вам что, не насилие?

– Но это было много лет назад, и всего один раз, они оба были, в сущности, мальчишками, детьми, – возразил Антон.

Голос Шнитова стал назидательным, и лицо приобрело соответствующее выражение.

– Знаете, у спортсменов детство заканчивается в пять лет. А в пятнадцать это уже взрослые самостоятельные люди, и, кстати, весьма и весьма физически сильные, многие уже деньги зарабатывают и родителям помогают в этом возрасте, а вы говорите – дети! – Он начал злиться и теперь уже заговорил с нескрываемым раздражением: – Я вообще не понимаю, зачем вы ко мне опять пришли! Ко мне уже приходил рыженький такой мальчик, теперь вот вы пришли, и все про Ламзина спрашивают, как будто я через два-три дня могу рассказать о нем что-то другое! Вам что, совсем заняться нечем? Ходите тут, одно и то же спрашиваете... Зря я понадеялся, что на Петровке сыщики получше, чем в округе Москвы. Такие же бездельники оказались. А может, и еще хуже. Извините, мне пора, у меня совещание.

Понадеялся он... Значит, именно Шнитов поднял волну вокруг убийства Болтенкова и звонил в Министерство внутренних дел с требованием подключить к расследованию самых лучших сотрудников.

Ну, совещание – так совещание. Коридор тоже хорошее место для продолжения разговора. Антон вышел из кабинета вместе со Шнитовым, продолжая задавать вопросы, на которые Игорю Эдуардовичу все-таки пришлось отвечать. Впрочем, о Ламзине он рассказывал весьма охотно:

– Вы бы слышали, как он орет на всех, в том числе и на спортсменов, обзывает их! Лошади, коровы, кабаны, хряки, кнуры – это еще самое мягкое из его богатого лексикона. Короче, в выражениях не стесняется.

Зато когда Антон спросил об Аникееве, Шнитов раздраженно ответил:

– При чем тут Болтенков и Ламзин? Это не имеет к ним никакого отношения.

Понятно. Стало быть, Шнитов ничего рассказывать не собирается.

Все, кто попадался им на пути, здоровались с чиновником, заискивающе заглядывали в глаза, подобострастно улыбались. Все до единого. Кроме одной женщины в строгом деловом костюме, которая шла им навстречу с папкой в руках. Она смотрела мимо Шнитова, Шнитов же демонстративно отвернулся.

Распрощавшись с Игорем Эдуардовичем, Антон внизу, в вестибюле, внимательно оглядел стенд с фотографиями. Вот и она, та самая женщина в деловом костюме. Только на снимке она была в спортивной форме, стояла на пьедестале, на груди широкая лента с золотой медалью. Фотография примерно двадцатилетней давности, а то и больше. Сейчас этой женщине под пятьдесят. Людмила Волынец.

Все трепещут перед могущественным функционером. Все, кроме Людмилы Волынец. Вот и славно, трам-пам-пам!

* * *

От удушливого запаха есть только одно спасение – прохлада и свежесть. Ничего теплого, ничего, вызывающего ассоциации со сладкой душной тяжестью. Пятна масляной пастели выбраны холодных тонов, покрывающая их акриловая краска – бледно-голубая со стальным оттенком. А в ушах назойливо звучит неприятный, резкий голос женщины, которую он едва не сбил с ног, несясь по длинному коридору и не видя ничего вокруг.

«Смотри, куда бежишь! Совсем нюх потерял! Идиот! Тебя завтра же из команды вышвырнут! Хоть бы извинился, дегенерат чертов!»

Она стояла и кричала ему вслед, а он бежал, не оборачиваясь, и все никак не мог отделаться от отвратительного приторно-сладкого запаха ее духов. С тех пор этот запах преследует его уже много лет. До рвоты, до головной боли. Эти духи до сих пор «носят» многие женщины, и часто в общественном транспорте он грубо и насильно забивается в ноздри, не давая дышать. В такие дни он ходит больной.

Сегодня запах ему нигде не попался, но он вспомнил голос, слова, безвкусные аляпистые цветы на платье, и духи вернулись сами собой. Его начало подташнивать. Единственное спасение – холодные свежие оттенки пастели и акрила.

Звонок в дверь заставил художника вздрогнуть, но он тут же вспомнил: это, наверное, Ольга, они договорились, что она придет и сделает несколько фотографий новой работы, чтобы Алла Владимировна определилась: будет она ее покупать или нет. Они всегда так делали. Художник рисовал по собственному настроению, а Алла выбирала то, что ей нравится. Нравилось ей не все. Но многое. Во всяком случае, на те деньги, которые он получал за картины от своего единственного покупателя, вполне можно было жить, и помогать матери, и делать недорогие, но приятные подарки своей подруге.

Ольга стояла на пороге, деловая, собранная, подтянутая, серьезная. Явно не расположенная к неспешным беседам и уютному чаепитию. Вот и хорошо. Ему сейчас не до бесед и не до угощений. Впрочем, Ольга никогда не задерживалась в его квартире.

– Привет, ну как дела? – спросила она, открывая сумку и доставая фотоаппарат.

Художник пожал плечами.

– Все нормально, как обычно.

Ольга деловито прошла в комнату, сразу пересекла «жилую» часть и направилась к стоящим вдоль стены картинам, лишь мельком глянув на незаконченную работу на мольберте.

– Я много времени не отниму, мне на встречу надо успеть. Что можно сфотографировать?

– Вот это.

Он показал на две новые работы и смотрел, как Ольга делает снимки с разных ракурсов. Двигалась она быстро, мягко, напоминая дикую кошку. Общий план, средний план, «макро», чтобы можно было увидеть перелив красок в процарапанных линиях.

– А это? – она кивком головы указала на мольберт.

– Это я только начал.

Ольга внимательно смотрела на бледно-голубой со стальным оттенком акрил. Краска еще подсыхала, на ней не было процарапано ни одной линии.

– А что внутри?

– Ну... – Он подошел к столику, заставленному коробками с палочками масляной пастели и бутылками с терпентином.

На второй полочке кучей лежали испачканные краской тряпки, которыми художник вытирал пальцы после растушевки, на третьей, самой нижней, листы с пробами цвета.

Достав самый верхний лист, протянул Ольге.

– Вот такое.

– Замерзнуть можно от таких оттенков, – она едва улыбнулась кончиками губ, покрытых темной помадой. – Я сфотографирую? Вдруг ей понравится?

– Да, конечно, – безразлично ответил художник. – Интересно, как долго еще Алла Владимировна будет покупать мои работы? Я же не идиот, я понимаю, что ценность они имеют только для меня.

– И для нее тоже.

Разговор с Ольгой отвлек его на несколько минут, но теперь она делает фотографии незаконченной работы, и в его голове снова всплывает мерзкий незабываемый голос: «Смотри, куда бежишь! Идиот! Дегенерат! Завтра же вылетишь!..» И запах, от которого мгновенно замутило. Он непроизвольно закрыл глаза и покачнулся. Ольга заметила и встревожилась. От нее ничего не скроешь, черт бы ее взял!

– Что случилось?

– Ничего, голова закружилась.

– Может, нужен врач? Или лекарство? Может, мне в аптеку сбегать? – Она спрашивала спокойно и деловито, никакой паники или даже беспокойства в голосе не слышно.

– Ничего не нужно, уже прошло.

Ольга с сомнением посмотрела на него и направилась к двери.

* * *

Алла Владимировна Томашкевич жила в самом центре Москвы, внутри Бульварного кольца, прорваться через которое по пробкам порой бывало очень непросто, поэтому Каменская выехала из дома заранее, взяв время с большим запасом. Накануне, когда Антон попросил ее встретиться к актрисой, Настя довольно быстро выяснила, что съемка, на которой занята Алла Владимировна, проходит в одном из подмосковных клубов и будет длиться до трех часов ночи. Номер мобильного телефона актрисы ей тоже сказали, и когда Настя дозвонилась до нее, они договорились на двенадцать часов дня: Алле Владимировне нужно время, чтобы выспаться и отдохнуть, поскольку вечером ей опять предстоит съемка с семнадцати часов до середины ночи – так составлен съемочный график.

Как обычно, сработал закон подлости: если время рассчитано впритык – непременно застрянешь в плотном потоке и опоздаешь, а если выезжаешь загодя, с расчетом на пробки, почему-то всюду проезжаешь свободно и прибываешь к месту назначения раньше времени. У Насти образовалось сорок минут до назначенной встречи с Томашкевич, и эти минуты она провела в большом книжном магазине, быстро найдя нужный ей словарь и остальное время с удовольствием листая учебники и справочники по юриспруденции.

Алла Владимировна, очень полная женщина с красивым гладким лицом, в свободном домашнем балахоне и с длинными, только что вымытыми и еще влажными волосами, рассыпанными по плечам, улыбнулась ей приветливо и обаятельно.

– В ум не возьму, зачем я вам понадобилась, – говорила она, провожая Настю в гостиную, обставленную мягкой мебелью с обивкой «прованский цветочек», – я уж все в голове перебрала: может, с кем-то из съемочной группы что-то случилось, или в театре у нас, или в нашем доме? Но вроде никого не убили и не ограбили. А вы правда частный детектив? Или вы все-таки в полиции работаете, а меня обманули, чтобы я вас не боялась?

На первый взгляд, Томашкевич была слишком спокойной и веселой для человека, знающего о том, что совсем недавно кто-то, кого она, вероятно, знает, жестоко отомстил за смерть ее единственного сына. Но ведь она профессиональная актриса... Сыграть может все, что угодно.

На слова Каменской о смерти Михаила Валентиновича Болтенкова актриса отреагировала таким изумлением, что можно было не сомневаться: она слышит об этом впервые.

– Почему вы пришли ко мне с этим? – недоумевающе спросила Томашкевич. – Что я могу вам рассказать об этом человеке? Я о нем ничего не знаю уже много лет.

А вот когда Настя задала первый вопрос о сыне, Алла Владимировна изменилась в лице, от милой обаятельной улыбки не осталось и следа.

– Мне трудно говорить о Женечке, до сих пор трудно. Может быть, можно обойтись без этого? – тихо попросила она, глядя на Настю глазами, полными слез.

Настя мягко настаивала, внимательно вглядываясь в актрису и пытаясь безошибочно считывать ее реакцию. Нет, пожалуй, для нее этот разговор действительно неожиданность. Алла Владимировна вскоре поняла, что отделаться от гостя уговорами и мольбами не удастся, и начала рассказывать.

Женя в пятнадцать лет перенес тяжелую фолликулярную ангину, и вдруг заявил, что едет на соревнования. Так решил тренер, Михаил Валентинович. Но это Женя сказал ей уже потом, а в тот момент просто заявил, что едет, потому что эти соревнования для него очень важны, а чувствует он себя вполне неплохо. Алла сомневалась, не хотела отпускать сына, ведь он еще не окончательно выздоровел, но Женя поклялся ей, что и чувствует себя хорошо, и врач спортшколы сказал, что все в порядке и можно ехать. Вернулся с соревнований совершенно убитый: и выступил плохо, занял самое низкое место, и сердце начало болеть. Свалился с осложнением – боли в сердце, одышка, температура, слабость. Диагноз – инфекционный миокардит плюс ревматизм суставов. Отлежав в больнице положенный срок, Женя начал восстанавливаться, усиленно тренировался, но тут одно наложилось на другое: за следующий год он сильно вырос, и прыгать стало трудно: с одной стороны – мышцы длинные, с другой – больно очень, ревматизм суставов дает сильные боли при движении и физических нагрузках. Но о том, чтобы бросить фигурное катание, не могло быть и речи, мальчик готов был терпеть постоянную боль. Только прыжок он уже потерял. И Женя перешел к другому тренеру, в танцы, где прыжки не нужны и где особенно ценится мастерство скольжения, владения коньком, а это именно то, в чем мастер спорта Евгений Зеленев был всегда на голову сильнее других спортсменов. Он даже мог выполнять некоторые фигуры Панина-Коломенкина, чем неизменно вызывал восхищение товарищей по спортшколе.

Его поставили в пару с очень хорошей партнершей, и спустя некоторое время у них возник страстный роман. Настолько страстный, что когда восемнадцатилетняя девушка забеременела, Евгений даже предложил ей бросить спорт, родить ребенка и жить нормальной семейной жизнью. Но любимая отказалась: она хотела кататься, она хотела добиться больших успехов в спорте, она стремилась к вершинам и не собиралась ради ребенка отказываться от карьеры фигуристки. И сделала аборт. А вскоре после этого подала идею перейти к другому тренеру, который сможет сделать из них настоящих звезд.

Этот другой тренер действительно был в тот момент чрезвычайно популярным: молодой, красивый, обладающий обаянием и харизмой, он начинал когда-то как спортсмен, потом стал хореографом, и с придуманной и поставленной им программой российская спортсменка-одиночница поднялась на пьедестал почета чемпионата мира, что было для российского женского фигурного катания огромным успехом. К молодому и до того дня мало кому известному хореографу повалили спортсмены с просьбами их тренировать. Какое-то время хореограф отнекивался и отказывался, ведь он всего лишь хореограф-постановщик, а вовсе не тренер, это совсем другая специальность, потом набрался смелости и решил попробовать себя на новом поприще.

Попробовал. Не сказать, чтобы феерически удачно, тренировать он все-таки не умел, но программы ставил красивые, эффектные, и если к нему приходили спортсмены с хорошей базой, то с его программами добивались успеха. И как-то все сразу забывали, что базу-то им дал другой тренер... Главное – успех сегодняшний, а на лед победителей выводил сегодня именно он. Ему вся честь и слава. И новые ученики.

Евгений поддался на уговоры и поехал в Санкт-Петербург, где жил и работал модный молодой тренер. Он очень любил свою партнершу и готов был ради нее сделать все, что угодно, хотя бывший хореограф ему не нравился. И, как оказалось, не напрасно. Новый тренер девушку совратил, она влюбилась в него до потери пульса.

Когда ребята приехали в Питер, они стали снимать квартиру, жили вместе и собирались пожениться, им было по девятнадцать лет. И вдруг создалась команда «партнерша и тренер», которая играла против Жени Зеленова. Женя знал, что его любимая девушка спит с тренером, но все равно должен был каждый день брать ее в пару, выполнять с ней элементы, изображать на льду то нежные, то страстные чувства, и при этом все время помнил: «Она с ним, у нее любовь, я полностью от него зависим, я не могу отказаться от соревнований, к которым шел всю жизнь, на это положено столько лет труда, а я здесь на птичьих правах и должен его слушаться».

Затем ситуация обострилась: партнерша забеременела, на этот раз уже от тренера, и сказала, что будет рожать, потому что так сильно хочет от него ребенка и так его любит, что готова даже спорт бросить. При этом сам тренер, молодой и красивый, но глубоко женатый, жениться на ней не обещал и не собирался, и она это прекрасно знала. Может быть, надеялась, что ребенок его привяжет, потому что своих детей у него пока не было. Но эту ситуацию Женя Зеленов уже не перенес, это был слишком сильный удар по самолюбию. Он мужественно докатился до последних соревнований в том сезоне, объявил партнерше, что уходит из пары, собрал вещи и вернулся в Москву.

– На похоронах один его товарищ мне рассказывал, что Женя незадолго до смерти говорил ему: «Я пережил такое мужское унижение, которое никогда не забуду». – Алла Владимировна не замечала слез, ручьями текущих по ее щекам. – Я даже представить себе не могла, что мой сын так страдает, он ведь ничем со мной не делился. Просто констатировал факты: Соня теперь с нашим тренером, Соня собирается рожать... Спокойно так говорил, без эмоций. Я и подумать не могла, что все так серьезно. А Женя достал где-то таблетки, много... Меня даже в Москве в это время не было, я была в экспедиции, на Валааме, на съемках. Его муж нашел, когда вернулся с работы. Конечно, меня вызвали, я сразу же примчалась, уже утром следующего дня была дома, подняла на ноги самых лучших врачей, но они ничего не смогли сделать. Вернее, они сделали все, что могли. Но Женечка все равно умер. Доктор сказал, что, если бы не то осложнение на сердце, его бы вытащили.

Каменская переждала пару минут, давая Алле Владимировне возможность успокоиться.

– Вы говорили, что на похоронах Жени были его друзья, – осторожно начала она подбираться к самому главному. – Вы с кем-нибудь из них были раньше знакомы?

– Ну конечно, – кивнула Томашкевич. – Иногда кто-то из товарищей по спорту приходил к Женечке, партнерша его, Соня, приходила тоже. Но я с ними редко сталкивалась, ведь свободного времени у ребят было совсем мало, и оно обычно не совпадало со временем, когда я дома. На похоронах было много народу, но я мало на что обращала внимание тогда и мало что помню. Вот только слова Жениного товарища запомнила, очень больно они меня ударили.

– А после смерти сына кто-то из его друзей поддерживал с вами отношения?

Томашкевич отрицательно покачала головой и горько расплакалась.

«Все, – сказала себе Настя, – пора прекращать эту попытку воспоминаниями, надо совесть иметь».

Она встала с неудобного низкого пуфика без спинки и почувствовала, как мучительно заныла спина. Уперев кисти рук в поясницу, она сделала несколько шагов по комнате, повернувшись спиной к плачущей актрисе, и только теперь обратила внимание на большое количество висящих на стенах однотипных картин, без сюжета, похожих на орнамент и выполненных в какой-то неизвестной ей технике.

– Какие интересные работы, – вежливо сказала Настя, чтобы сменить тяжелую для Аллы Владимировны тему разговора на что-нибудь более нейтральное. – Никогда ничего подобного не видела. Эти орнаменты что-то означают? В них есть какой-то смысл?

Томашкевич перестала плакать.

– Они мне нравятся, – ответила она, вставая с кресла. – Я специально покупаю работы этого художника, они вносят успокоение в мою душу. Даже не могу объяснить почему.

Актриса казалась вполне успокоившейся, глаза были сухими, и только пальцы, судорожно мнявшие мокрый платочек, выдавали недавние горькие слезы. Надо уходить, подумала Настя. Но все-таки нужно еще раз спросить. Потому что внятного и точного ответа на самый главный свой вопрос она так и не получила. Не знает ли Алла Владимировна, может быть, кто-то из друзей ее сына до сих пор горюет о Жене и хотел бы отомстить тренеру, который «посадил» ему сердце?

Томашкевич пожала плечами. Похоже, вопрос ее не испугал, во всяком случае, никаких новых признаков волнения Настя в ее лице не заметила.

– Я вам уже говорила, что ни с какими друзьями сына не общаюсь. Да и в те времена, когда Женя тренировался, почти не знала их. Горько это признавать, но я вообще мало вникала в Женечкину жизнь, потому что как раз в то время меня вдруг после многих лет застоя начали активно приглашать сниматься, у меня был очень плотный график, много поездок, ведь тогда денег ни у кого не было, и снимали, где подешевле – в провинции, в сельской местности, в бывших союзных республиках. Я постоянно была в экспедициях. Так что – увы – ничем вам помочь не могу.

– Алла Владимировна, – Настя уже взялась за ручку двери, собираясь уходить, но все-таки решила задать еще один, самый последний вопрос, – вы считаете тренера Болтенкова виновным в смерти вашего сына?

Актриса смотрела на нее задумчиво и спокойно.

– Да, – твердо ответила она, – считаю. Он, безусловно, виновен.

«Да уж, – озадаченно думала Настя Каменская, идя по извилистому переулку в сторону Мясницкой, где оставила машину, – вот как раз про такие результаты и говорят: ни два – ни полтора».

* * *

До дома оставалось еще минут пятнадцать езды по относительно свободным вечерним улицам, и когда позвонила Эля, Антон легкомысленно сказал:

– Конечно, вы можете уходить, я буду через пятнадцать минут. За пятнадцать минут с ребятами ничего не случится.

– Я могла бы дождаться вас, – неуверенно проговорила няня, – но нам надо успеть в аэропорт встретить рейс, мама Александра возвращается...

Антону совершенно неинтересно было выслушивать, откуда там возвращается мама Александра Андреевича Трущева и почему заботливому сыну непременно нужно встречать ее вместе с будущей новой женой.

– Поезжайте, Эля, – раздраженно перебил он ее. – Все будет в порядке, я скоро подъеду.

Когда Сташис парковался возле своего дома, машины Трущева уже не было. Значит, уехали. Вот и ладно. Встречаться с женихом своей няни у Антона не было ни малейшего желания, хотя они и были знакомы, и отношения у мужчин сложились вполне доброжелательные. Антон привычно поднял голову и бросил взгляд на окна своей квартиры: на кухне свет погашен, в его комнате тоже, и окно детской темное. Горели только окна гостиной.

«Небось мультики смотрят или в компьютерные игрушки играют», – с нежностью подумал он.

В подъезде, обычно хорошо освещенном, почему-то было темно. Опять какой-то оборот выкрутил лампочку. А может, перегорела, просто заменить не успели.

Ощущение чего-то твердого, упирившегося в спину и диаметром весьма напоминавшего ствол пистолета, пришло одновременно с тихим сдавленным шепотом:

– Не суйся в это дело, не копай. Оставь все, как есть. Иначе пожалеешь.

Ах, как хорошо сценаристам, придумывающим истории для художественных фильмов! И писателям в общем-то тоже неплохо. Разворот, удар, быстрое приседание, проведение приема... Красота! Зритель доволен, читатель счастлив. Только почему-то никто не придумывает истории об отце-одиночке, которого дома ждут двое маленьких детей и который обязательно, ну просто обязательно должен как можно быстрее вернуться, пока малышня, во-первых, не начала бояться и, во-вторых, ничего не натворила. Можно, конечно, проявить геройство и ввязаться в драку. И даже вполне возможно, что в этой драке майор полиции Сташис одержит верх. Возможно, но не гарантировано. Потому что непонятно, кто стоит у него за спиной, какого он роста и веса, какова его подготовка и какое у него имеется оружие. Отец, у которого двое маленьких детей, не имеет права идти на такой бессмысленный риск. Если с ним что-то случится, дети окажутся на попечении государства, ибо никаких близких родственников у Сташиса давно уже нет.

– Тебя кто прислал? – негромко спросил он, стараясь говорить спокойно, чтобы не нервировать стоящего за спиной мужчину.

– Не твое дело. Твое дело – сидеть тихо и не соваться, куда не надо. Все понял, многодетный папаша?

– Конечно, – усмехнулся Антон, – не тупой же. Может, убережешь волюну, нормально поговорим?

– Не о чем мне с тобой говорить. Будешь вести себя правильно – будешь в порядке. Договорились?

– Договорились. Да мне не больно-то и надо, своя шкура дороже. Иди, не бойся, обращаться не стану.

За невидимым незнакомцем закрылась дверь, а Антон еще некоторое время постоял в неосвещенном подъезде, пытаясь проанализировать впечатления. В каком направлении шел звук голоса? Сколько шагов сделал незнакомец, прежде чем закрылась дверь? С какой частотой он дышал? На какой высоте держал пистолет? По всему выходило, что роста он пониже среднего, во всяком случае, намного ниже рослого Антона. Примерно, 165–167 сантиметров. И количество шагов, по которому легко рассчитывается длина ног, соответствует.

Он посмотрел на часы. Дети ждут. Им пообещали, что папа вернется через пятнадцать минут, а прошло уже двадцать с лишним.

Но он все равно достал телефон и позвонил Эле.

– Когда вы выходили, свет в подъезде был? – спросил он.

– Нет, лампочка, наверное, перегорела, – спокойно ответила няня. – Когда я привела Васю с тренировки, все было в порядке.

– Дайте, пожалуйста, телефон Александру Андреевичу, – попросил Антон.

Эля умела не задавать ненужных вопросов, и уже через мгновение в трубке раздался низкий твердый голос Трущева:

– Слушаю вас, Антон.

– Пока вы ждали Элю – не заметили, в подъезд не входил невысокий мужчина, рост примерно сто шестьдесят пять, возможно, оглядывался или вел себя нервно?

Трущев задумался буквально на пару секунд.

– Был такой. Видел я его.

– Описать можете?

– Ну, я же не старался его запомнить... Обычный. Куртка объемная такая, ветровка, капюшон. Да, правда, я еще подумал, зачем в такую теплынь капюшон надвигать, и решил, что это, скорее всего, наркот. Они обычно так ходят в любую погоду. Невысокий, худой. Дернул дверь, она не открылась, у вас же домофон. Постоял, дождался, когда кто-нибудь будет выходить. Вот Эля вышла, а он как раз вошел. А что, что-то случилось?

– Ничего, все в порядке, спасибо, Александр Андреевич, – быстро проговорил Антон. – Удачной вам поездки.

Странно это все как-то... Если Трущев видел именно того, кто наехал на Антона, то как этот тип мог так точно знать, в котором часу Стапис будет возвращаться домой? Следил за ним? Понял по маршруту движения, что майор направляется домой? Возможно. Но тогда ему нужно было очень постараться, чтобы успеть доехать до дома, где живет Антон, хотя бы на несколько минут раньше, чтобы успеть дожидаться возможности проникнуть в подъезд, выкрутить лампочку и занять позицию. Хотя нет, Эля говорит, что лампочка не горела уже тогда, когда она выходила, а незнакомец в этот момент только входил. Значит, либо он уже был здесь раньше и позаботился об отсутствии освещения, либо у него есть сообщник. Тот, кто наехал на Антона, пришел, обеспечил темноту и ждал где-то неподалеку, может, в сквере, может, в баре или кафе, а может, просто на лавочке у автобусной остановки отсиживался. А кто-то другой на машине колесил следом за Антоном и, поняв, что тот направляется в сторону дома, дал отмашку. Да, скорее всего, так и было.

Ну и кто это у нас такой умный? Не иначе как полицейские из Раздоров. Типа решили подстраховаться, мало им того, что начальство по своим каналам уже ему кислород перекрывает. А может, и не знают они об этом, действуют на свой страх и риск. Антон попытался восстановить в памяти всех сотрудников полиции, с которыми он общался, работая по делу Ефимовой. Много их было, и были среди них и невысокие, и худощавые. Кстати, следовательно, который вел дело о пожаре в доме Маклыгиных, в точности подходит под описание. И опер один... Нет, пожалуй, даже двое. Вот и поди пойми теперь, кто из них.

С другой стороны, какая разница: кто именно? Задействованы все способы влияния, чтобы прекратить попытки Антона разработать конкретную линию, начиная от мелкого наезда и заканчивая гаубицами в виде генеральских указаний.

Он решительно вошел в лифт и уже через минуту открывал дверь своей квартиры. Дети с радостным визгом вихрем налетели на него и повисли – рослая, в отца, Василиса на руке, а шестилетний Степка пока еще на ноге.

– Пап, ну чего ты так долго? – с упреком ныла Вася. – Эля сказала, что ты вот прямо скоро совсем придешь, а тебя все нет и нет. А по телику такое страшное кино показывают, американское, там полицейского убили как раз в его день рождения, представляешь, дома гости его ждут, радуются, а он уже убитый... Я так испугалась. Заплакала даже.

Антону стало не по себе. Ну вот, оставили детей на полчаса одних – и они уже смотрят по телевизору совсем не то, что нужно.

– Тебе стало жалко полицейского? – он ласково обнял девочку, поднял на руки и поцеловал.

– Нет, я про тебя подумала, – призналась Василиса дрогнувшим голосом. – Тебя нет и нет, а Эля сказала, что ты сейчас придешь. А вдруг ты тоже лежишь где-нибудь убитый, а мы со Степкой тебя ждем и ничего не знаем...

И она снова разрыдалась.

Успокаивая напуганную и расстроенную дочку, Антон снова подумал о том, что героизм – не его стезя. Кино – это, конечно, замечательно, но жизнь есть жизнь.

* * *

К утру Антон Сташис так и не пришел к окончательному выводу: чего конкретно хотел от него вчерашний незнакомец. Если речь идет о деле Ефимовой, то можно предположить, что это затеи братьев по оружию, полицейских из Раздоров. Но ведь кроме убийства Ефимовой есть и другие преступления, по которым идет работа. И то, жертвой которого стал тренер Болтенков, и еще несколько, более ранних. «Не суйся в это дело, не копай...» Хотелось бы как-то поконкретнее, что ли. И если вчера вечером Антон был совершенно убежден, что причина наезда – пожар в доме Маклыгиных, то сегодня он начал в этом сомневаться.

Передав детей с рук на руки Эле, он машинально съел свой обычный завтрак – чашка кофе и бутерброд с сыром – и отправился в Федерацию фигурного катания. На этот раз целью его был не член исполкома Шнитов, а та самая Людмила Волынец, тоже, кстати, член исполкома, которая так явно не любит и даже открыто игнорирует этого Шнитова. За все время сбора информации в среде тех, кто так или иначе связан с фигурным катанием, постоянно звучали слова о покровительстве, но Антон не вполне ясно представлял себе, что они означают применительно к данному виду спорта. Игорь Эдуардович Шнитов покровительствовал убитому тренеру Болтенкову... Как это происходит? В чем выражается? Может быть, именно в этих отношениях и вытекающих из них коллизиях и кроется мотив убийства?

В Федерации Антону сказали, что Людмилы Всеволодовны сегодня не будет, она уехала на спортивную базу в Новогорск. Разумеется, номер ее мобильного телефона Сташису не дали. И разумеется, минут через десять он его раздобыл. Волынец ответила на его звонок далеко не сразу, дозвониться удалось только с четвертой или пятой попытки. Судя по тому, каким приглушенным почти до шепота голосом она разговаривала и как коротко и отрывисто произносила слова, Людмила Всеволодовна находилась на каком-то совещании.

– Я буду в Москве через два часа, не раньше. Возможно, позже. В пять я должна быть в Сити. В три часа на парковке у ЭКСПО-центра вас устроит?

Ровно в три часа пополудни Антон Сташис, показав охраннику служебное удостоверение, въехал на парковку. Людмила Волынец появилась спустя двадцать минут, даже не подумав извиниться за опоздание. Впрочем, при нынешней ситуации с трафиком двадцать минут опоздания – это, считай, человек раньше времени приехал. Рукопожатие у нее было крепким и энергичным. Антон не очень понимал, где Волынец собирается с ним разговаривать, но она словно угадала его вопрос и сама предложила побеседовать в машине.

– Здесь в каждой башне полно всяких заведений, но в тех, где удобно разговаривать, цены просто-таки нечеловеческие, а там, где подешевле, не поговорить нормально – шумно и суетно, – усмехнулась она. – Да и время на переходы тратить не хочется.

Антон молча кивнул и распахнул перед ней переднюю пассажирскую дверь своей машины.

– Я так понимаю, вы по поводу Михаила Валентиновича хотите поговорить? Или по поводу Валерия Петровича? – спросила Людмила, когда он уселся рядом, на водительское место.

Судя по ее интонациям, идея обвинения Ламзина ей не близка. Может, у нее есть какие-то свои соображения?

– Меня, честно говоря, интересует и ваше мнение по поводу Ламзина, и один вопрос, который может показаться вам странным, но мне как дилетанту он непонятен. Какое влияние может оказывать Федерация на конкретного спортсмена?

– А что же тут непонятного? – искренне удивилась Волынец.

– Я не так выразился... Вот мне все говорят, что Игорь Эдуардович Шнитов покровительствовал Болтенкову и его спортсменам. Это так?

– Конечно, это всем известно.

– Но в чем смысл? В чем может выражаться это покровительство? Ведь чиновник из Федерации не может выполнить элементы за спортсмена, и если фигурист упал, Шнитов же не может сделать так, чтобы он не упал. Или я чего-то не понимаю?

Волынец мягко улыбнулась.

– Просто вы многого не знаете. Если бы знали, вы бы сразу все поняли.

И начала рассказывать о влиянии чиновников на спортивные результаты и о важности поддержания хороших отношений с функционерами.

– Видите ли, функционеры имеют большие возможности, они могут сильно пакостить и ставить палки в колеса не только тренерам, но и конкретным спортсменам, если они их невзлюбили почему-то. Например, вы слышали такой термин «посеяться»?

– Никогда, – признался Антон. – «Сеять» – да, это понятно. А «посеяться»? Это что?

– Этот термин пришел в фигурное катание из тенниса, и означает он «заявиться на правильные соревнования».

Та-а-к... С каждым словом появляются все новые вводные. Антон внутренне поежился: сколько еще информации придется пропустить через свою голову, прежде чем отсеется ненужное и останется только то, что имеет значение для раскрытия убийства?

– На правильные? Это как?

– Понимаете, соревнований очень много в течение сезона, и ни один спортсмен не участвует во всех, он должен выбрать, в каких именно будет участвовать. И не только выбрать, но и добиться того, чтобы быть включенным в состав участников. А это, поверьте мне, жуткая головная боль. У нас даже прямо говорят: «Это такая возня – посеяться на правильные турниры». Вы же понимаете, что ни один спортсмен не хочет проигрывать и оказываться на низких местах. Все хотят повыше. Потому что чем выше место ты занял, тем больше баллов тебе начисляется, а это рейтинг и возможность участвовать потом в финале. А для этого нужно выбрать такие соревнования, состав участников которых дает тебе хорошие шансы. Или состав участников, или страна, в которой соревнования проводятся. Потому что понятно, что страна-организатор будет всячески пропихивать своих спортсменов в чемпионы или хотя бы на пьедестал, если у нее, конечно, такие спортсмены есть. Например, ты одиночник, а этап турнира проводится в стране, где есть два-три очень сильных одиночника, и понятно, что тебе в этой стране чемпионом не стать. Даже бессмысленно сеяться на этот этап, заработаешь мало баллов. А вот парников в этой стране, к примеру, нет сильных, там ребята претендуют максимум на десятое место, так что у тебя есть вполне приличный шанс. Но при условии, что на этот этап не посеются другие сильные пары. В общем, там своя математика, очень сложная. Договариваются Федерации между собой, каких спортсменов на какие турниры заявлять. Стараются, чтобы всем было выгодно.

– И что, вот как они договорятся, так и будет? – не поверил Антон.

– Не всегда. Иногда случается, что Федерации все утрясли между собой, все довольны раскладом, а ИСУ или оргкомитет той страны, где проводится конкретный этап, могут заявить: нет, нас не устраивает кандидатура вашего спортсмена на данном этапе Гран-при, у нас уже есть первый номер от этой страны, и нам по качеству соревнований нужен ваш второй или третий номер. Я понятно объясняю?

– Нет, – честно признался Антон. – Я ничего не понял насчет качества и первых-вторых-третьих номеров.

Волынец вздохнула.

– Ну смотрите. Первое место все равно только одно. Это понятно?

– Да.

– За каждое место начисляются баллы, чем место выше – тем баллов больше, у первого места баллы наивысшие. Это тоже понятно?

– Да, – засмеялся Антон. – Вы очень хорошо объясняете. Вы, наверное, могли бы быть прекрасным преподавателем.

– Почему «могла бы»? Я и есть преподаватель, я много лет была тренером, да и сейчас у меня есть ученики. Идем дальше. Если на одном этапе столкнутся все самые сильные номера от стран, то есть самые сильные спортсмены, то первым все равно станет только кто-то один, а кто-то окажется шестым или восьмым, соответственно баллов у него будет мало за этот этап. А на другом этапе соберутся потом самые слабые, но все равно кто-то из них окажется первым, как бы плохо он ни катался, и получит высшие баллы. В результате по сумме баллов за все этапы он опередит того сильного спортсмена, который неудачно посеялся и стал восьмым или даже четвертым. Сильный спортсмен реально катается в сто раз лучше того, кто стал первым на «слабом» этапе, но из-за недостаточной суммы баллов он не попадает в финал турнира. Это несправедливо и неправильно. Поэтому участников надо так распределить, чтобы на каждом этапе были и топовые спортсмены, и послабее. Вот тогда в финал Гран-при попадают действительно самые сильные фигуристы. И все это решают Федерация, тренеры, ИСУ.

– Понял. То есть они заранее договариваются, кого куда заявляют, так?

– Совершенно верно.

– И за какое время до соревнований это нужно решать? За месяц? За два?

– Да ну что вы, – рассмеялась Волянец, – это решается уже сейчас, хотя соревнования начнутся только осенью. Брожение в массах уже началось.

– А еще каким-то образом Федерация может влиять на спортсменов?

– Сколько угодно. Например, деньги. Это очень болезненный вопрос, наш вид спорта достаточно дорогой. Вы знаете, сколько стоят хорошие коньки? Не знаете? Так вот, комплект хороших ботинок с коньками стоит около полутора тысяч евро. Откуда у подростка такие деньги? Если состоятельные родители – другой вопрос. Но ведь талантливые фигуристы не все сплошь из состоятельных семей. Членам сборной ботинки с коньками положены бесплатные, их оплачивает Федерация, а остальным как быть? Костюмы тоже весьма недешевы, один костюм стоит от семисот до тысячи евро, а их на сезон нужно не меньше трех-четырех, на каждую программу, на каждый показательный номер. Так что за год набегает очень прилично. Топ-спортсменам положены деньги на костюмы, они их получают в Федерации и расплачиваются ими в ателье или у частных портних, кто где шьется. Но положены – не значит выделены, вы же понимаете. Денег у Федерации всегда не хватает на то, чтобы сразу и вовремя выплатить их всем, кому положено. И начинается борьба за деньги. Тут очень важно, как Федерация относится либо к самому спортсмену, либо к его тренеру. Ведь на то, чтобы пошить костюм, нужно время, если портниха не очень загружена – то все равно не меньше двух недель, а если загружена – то и месяц, и два. И вот что спортсмену делать, если у него через три недели соревнования, а Федерация ему до сих пор не выделила деньги? Кого она любит – тот денежки давно уже получил и костюмчик пошил, а кого не любит – тот решает вопрос самостоятельно. Как именно – никого не волнует. То есть если тебе положены деньги – ты их рано или поздно, конечно, получишь, но иногда это бывает, к сожалению, поздно.

– Понятно. А еще какие есть варианты?

– Есть еще очень распространенный и неприятный конфликт талантливых юниоров и лидеров взрослой сборной. Дело в том, что девочки тринадцати-четырнадцати лет лучше технически оснащены, чем взрослые спортсменки.

– Это как? – удивился Антон. – С трудом верится.

– И тем не менее. Взрослые девушки и молодые женщины в силу веса и форм уже не могут так много, как легкие и худенькие девочки-подростки. С прошлого года запретили девочкам до определенного возраста участвовать во взрослых соревнованиях, а раньше это разрешалось. И вот представьте: девочка-юниорка настолько сильная, что на чемпионате России обыгрывает первые-вторые номера взрослой сборной. Стране и Федерации от этого ни холодно ни горячо,

потому что участвовать в международных соревнованиях она по правилам не может в силу возраста. А тем фактом, что она обошла лидеров сборной, она сильно понизила их рейтинг и статус. Спортсмены недовольны, их тренеры тоже, само собой, злятся. И вот в этой ситуации очень опасно, если лидеры сборной катаются у тренера, имеющего хорошие завязки в Федерации или в Спорткомитете, а тренер талантливого юниора административно слабее. Самое ужасное, что страдать от сведения счетов будут не только спортсменка и ее тренер, но и вся группа, в которой девочка катается. С группой можно сводить счета при помощи, например, информационного вакуума.

– То есть?

– Не сообщать, что можно получить форму. Или премию. Всем спортшколам полагаются бесплатно какие-то спортивные вещи. Членам сборной, конечно, полагается намного больше, но и то, что дают школам, тоже довольно существенно. Можно льдом ущемлять, это самый действенный и самый широко распространенный способ влияния. Вообще у Федерации много возможностей изгадить человеку жизнь, начиная с расстановки мест на соревнованиях и заканчивая вообще всей последующей судьбой. Именно поэтому спортсмены часто при выборе тренера ориентируются не столько на тренерский талант, сколько на наличие покровителей в Федерации.

– Даже судьбой? – не поверил Сташис. – Это в каком же смысле?

– Да в самом прямом! Например, выдача разрешения на выступление за другую страну. Это же страшно доходная штука! Вы не знали?

– Нет, – признался Антон, – в первый раз слышу.

– Я вам расскажу конкретную историю, но таких историй – десятки, если не сотни, и все одинаковые, как под копирку. У меня был много лет назад ученик, хороший мальчик, парник, остался без партнерши, мыкался на тренировках один, и вдруг ему предложили уехать в другую страну и встать в пару с девочкой, которая искала партнера. Парень пришел в Федерацию и попросил его отпустить. А ему ответили: «Никуда ты не поедешь. А если ты уедешь самовольно, мы тебя дисквалифицируем на два года». Вы представляете, что такое для фигуриста два года не участвовать в соревнованиях? Два сезона – это очень много, ты просто уходишь на дно. А по правилам – все верно, если нет разрешения Федерации, то ты должен пропустить два сезона.

– Но почему? Почему не отпустить, если парень все равно не выступает за Россию, у него же нет партнерши!

– Почему? Да потому! Федерация хочет денег. И вымогает их всеми доступными способами. Либо у Федерации той страны, которая приглашает спортсмена, либо у родителей девочки, если они богатые и готовы купить партнера своей дочке. Это тоже сплошь и рядом. Либо сам спортсмен может откупиться. А бывает, что и просто откровенно вредничают, демагогию разводят: «Я тебя не отпускаю – и все!» Спортсмен возмущается: «Да зачем я вам? Я все равно в России только четвертый-пятый, я вам золотые медали не принесу». – «Ну и что? Ты – наш спортсмен, российский. Зачем мы будем способствовать конкуренции? Мы тебя вырастили, вложили в тебя деньги, а ты теперь выйдешь на лед за другую страну и будешь конкурировать с нашими фигуристами. Нет и нет!» И что спортсменам делать? Если они находят деньги или Федерация приглашающей страны платит за них, то все в порядке. А если нет, то и нет. Зачем другой стране нужен спортсмен, который вынужден будет пропустить два сезона? Да и девочка ждать два сезона не будет.

– Вашему ученику именно так и сказали? «Не пускаю – и все!»?

– Да нет, с моим парнем как раз вышло совсем по-дурацки. Федерация готова была его отпустить, видно, он попал под хорошее настроение того, кто принимал решение. Но этот человек имел тесные дружеские связи с одной дамой из Москомспорта, жадной до темноты в глазах. Видно, он с ней постоянно делился доходами, а может, они и еще какие-то дела вместе прово-

рачивали. Одним словом, он ей рассказал, что к нему приходил мой ученик и просил отпустить его. Диалог между ними состоялся весьма примечательный, их встреча имела место во время соревнований, когда кругом была масса журналистов, и один из них, мой хороший знакомый, все слышал и мне пересказал. Звучало это примерно так: «И что нам за него дают?» – «Да ничего, я его так отпускаю, пусть едет. Я думал отдать его так, чтобы не ссориться, голоса этой страны нам при решении вопросов в ИСУ очень пригодятся». – «Да ты что, с ума сошел? Да никогда в жизни не нужно этого делать! Это же прецедент! Одного отпустишь просто так – потом ни с кого больше ни копейки взять не сможешь». – «Ну ладно, ладно, не кипятись, не пушу я его, раз ты против». Вроде бы шуточный разговор, трудно себе представить, чтобы взрослые серьезные люди вот так, походя, на пути между трибунами могли за несколько секунд решить судьбу человека.

– Ничего себе! Неужели эта дама из Москомспорта рассчитывала получить большие деньги за вашего ученика? Вы же сами сказали, что он не чемпион, а всего лишь четвертый-пятый.

– Как знать... Она настолько любила деньги, что не отказывалась даже от крохотных финансовых вливаний. Но возможно, дело и не в деньгах.

– А в чем?

– В данном конкретном случае дело было, пожалуй, наверняка не в деньгах. Просто она не любила меня, а следовательно, терпеть не могла всех моих учеников и пакостила им всюду, где только можно. Вы теперь, наверное, спросите, почему она меня не любила? – усмехнулась Волынец.

– Конечно, спрошу. Ну грех ведь не спросить, когда такие интересные подробности вдруг открываются. Так за что дама из Москомспорта вас невзлюбила?

К чиновнице из Москомспорта обратилась ее подруга, бывшая одноклассница, живущая в том же сибирском городе, откуда родом была сама дама. Дочь одноклассницы занималась парным катанием, а ее партнер приходился им каким-то родственником, кажется, был троюродным братом самой девочки. Родители юниоров решили, что надо продвигать детей в Москву, к самому лучшему тренеру. Лучший, по их представлениям, был как раз тот, кто имел регалии. Волынец не была самым сильным тренером юниоров, но она была чемпионкой, у нее было имя. И они хотели попасть именно в ее группу. Обратились к чиновнице из Москомспорта, та заверила, что все будет в порядке, у нее есть влияние, связи и возможности и она вопрос решит. Почему-то она была уверена, что Людмиле Волынец пара понравится и проблем никаких не возникнет. Однако результаты просмотра оказались не такими, на которые рассчитывали сибиряки и их родители. Девочка Людмиле Волынец понравилась, тренер сочла ее перспективной, а вот мальчик ей категорически не был нужен. О чем она прямо и сказала родителям. Те пытались уговаривать, но Волынец проявила твердость: мальчика из пары она взять не готова. Или только девочку, или вообще никого. А ребята не захотели расставаться, девочка проявила великодушие и сказала, что без своего партнера она в Москве не останется и лучше вернется домой. Родители, разгневанные, заявили в Москомспорт к той чиновнице и орали, что та их обманула, что никаких возможностей у нее на самом деле нет, что она дутая величина и пустое место, полное фуфло, которая дает пустые обещания и строит из себя невесть что, а сама сволочь и обманщица. В общем, скандал был некрасивый и громкий, и все, естественно, узнали, в чем причина.

– Вообще эта ситуация очень болезненная, – задумчиво говорила Людмила. Было заметно, что воспоминания ее расстроили. – Очень часто ведь бывает, что приводят на просмотр пару, а тренеру нужен только кто-то один. Тренер видит сразу, какой спортсмен может вырасти профессионально, а какой – нет, не вырастет уже. Но они пришли парой. Они пришли вместе. Некоторые берут обоих, прекрасно понимая, что пройдет совсем немного времени – и он пару разобьет и все равно оставит у себя только кого-то одного из них.

– А как это делается технически? Как можно разбить пару?

– Ну, есть разные методы. Один из них – плохо готовить к соревнованиям или совсем не готовить. Равнодушно отнестись. Пусть уж там сами как-нибудь выплывают. Ребята будут стараться, но все равно им трудно, и результаты будут плохими, а тренер потом скажет: «Ну, ты, конечно, понимаешь, что в этом составе у тебя ничего не получится, надо тебе менять партнера или партнершу на более сильного, чтобы добиться какого-то результата».

– Ничего себе! А еще какие есть варианты?

– Можно действовать через родителей, это тоже достаточно эффективно. Приглашают родителей того спортсмена, который больше нужен тренеру, и начинают им дуть в уши, что, дескать, понимаете, они, конечно, пришли вместе, но у вас такой чудесный мальчик, у него такие перспективы, а с этой девочкой у него не получается, я вам найду партнершу более сильную, или она у меня уже есть, но вы там между собой решайте ваши проблемы сами. Но самый травматичный способ, как ни странно, это честный. Сразу после просмотра тренер говорит, что ему нужен мальчик, а девочка не нужна, или наоборот. Если вы готовы расстаться – значит, готовы, а если нет – значит, мне никто из вас не нужен. Как пара вы мне не нужны. Дети страдают, плачут, переживают, кто-то один должен предать другого и сказать: «Я остаюсь в этой группе, а ты иди куда хочешь». Это очень трудно, особенно если у них хорошие отношения. Бывает, что мальчик ведет себя по-джентльменски и говорит: «Нет, я с ней не расстанусь» – и не уходит к новому тренеру, пара остается у прежнего тренера, но потом он всю жизнь ее этим будет попрекать. Он ради нее отказался, а мог бы согласиться, остаться у нового тренера и занимать высокие места, а с тобой у нас ничего не получилось... Или наоборот, девочка остается с мальчиком, не бросает его и потом попрекает несложившейся спортивной карьерой и принесенной жертвой.

– Вы так откровенно обо всем рассказываете... Не боитесь? – поинтересовался Сташис.

– А чего мне бояться?

– Понимаете, мы уже со многими тренерами и функционерами встречались, но все как один повторяют: я надеюсь на вашу сдержанность, мне еще в этой сфере работать... Ну, вы понимаете.

– Ах вот вы о чем... А мне осталось в этой сфере работать всего неделю, – усмехнулась Волынец. – Меня уже предупредили. Кстати, ваш знакомый, Игорь Эдуардович, постарался. Очень он меня не любит. Впрочем, как и я его.

– А ему-то вы чем насолили?

– Ничем конкретным. Просто у меня репутация испорченная. После того случая, о котором я вам рассказала, после отказа взять пару, присланную на просмотр влиятельным человеком из Москомспорта, обо мне стали говорить: она осмелилась пойти против самой Ефимовой! У Ефимовой такие завязки в Федерации, на самом верху, а эта дура Волынец ухитрилась с ней поссориться. Так что у меня репутация не только склочницы, но и дуры, – грустно закончила Людмила. – А кто захочет иметь среди коллег склочников и дураков?

Ефимова из Москомспорта... Ефимова...

– Вы не знаете, эта дама, Ефимова, осталась в сфере спорта? – осторожно спросил он.

– Инна Викторовна? Нет, она сделала блестящую карьеру, из спортивных функционеров давно ушла, теперь она где-то не то в Госдуме, не то в Совете Федерации. Там тоже, наверное, нашла, как деньги заработать.

Вот оно как... Так может быть, Инну Викторовну Ефимову убили вовсе не за ее деятельность в качестве сотрудника аппарата Госдумы? И не в поджоге дома на возделанном участке дело? Может быть, корни этой истории уходят в прошлое намного глубже? Интересно, почему никому в голову не пришло поинтересоваться, чем Ефимова занималась десять-пятнадцать лет назад? Выяснили только, что в аппарате Госдумы она трудится уже пять лет, а до этого занималась примерно теми же вопросами, но на уровне Мосгордумы. Этим и удовлетворились.

Но за что Инне Викторовне могли так жестоко отомстить спустя столько лет? Может быть, за то же, за что и Болтенкова застрелили? Надо срочно искать точки соприкосновения тренера и бывшего функционера Москомспорта. На сегодняшний день о Болтенкове собрано огромное количество информации, но нигде и никогда не мелькало имя Инны Ефимовой.

Без десяти пять Людмила Волюнец попрощалась с Антоном, вышла из его машины и пересела в свой автомобиль, чтобы подъехать к другому зданию комплекса. Сташис задумчиво смотрел ей вслед, потом, не выезжая с парковки, достал телефон и позвонил Каменской. Да, Ромка свалил дурака, обратившись к Киргану, это понятно. И в этом смысле Антон его, само собой, не одобряет. Но после нескольких дней, проведенных в сборе информации о мире фигурного катания, Антон уже засомневался в безошибочности решения следователя. В таком клубке интриг и конфликтов наверняка водятся самые разные ядовитые змеи, готовые вонзить жало в тренера Болтенкова. И ограничивать внимание обвинения только одним Ламзиным как-то неправильно.

Каменская сразу согласилась с тем, что хорошо бы встретиться и обменяться информацией, чтобы подвести хотя бы промежуточные итоги.

– У нас с вами уже получают Лебедь, Рак и Щука, – заметила она. – Ходим по одному и тому же кругу, обращаемся к одним и тем же людям. Делить нам нечего, а вот работу надо распределять рационально. Так что у меня встречное предложение: давайте пообщаемся втроем, вы, я и Роман.

Антон пообещал привезти Дзюбу и стал записывать адрес, куда ехать, и ориентиры.

– Не хило вы живете, Анастасия Павловна, – хмыкнул Антон. – Это частные детективы теперь так хорошо зарабатывают? Может, мне снять погоны и переквалифицироваться?

– Если бы... – она насмешливо вздохнула. – Это дом моего брата. Они с женой младшего ребенка повезли за границу на лечение, а меня попросили пожить со старшим, чтобы он совсем уж безнадзорным не оставался.

* * *

На зрительную память Роман Дзюба никогда не жаловался и дорогу до дома, где временно обитала Анастасия Каменская, показывал Антону безошибочно, хотя и приезжал сюда отнюдь не на машине.

– Ну и хоромы! – покачал головой Антон, когда они зашли на участок. – Кто у нее брат-то? Олигарх-банкир какой-нибудь?

– Банкир, – кивнул Дзюба, – но не олигарх. Я в интернете про него посмотрел, он нормальный мужик, и жена у него нормальная, дома не сидит у мужа на шее, сама работает.

Анастасия Каменская приветливо махнула им рукой с высокого крыльца.

– Мальчики, давайте быстрее, ужин стынет!

И в этот момент Роман Дзюба окончательно перестал ее бояться.

Он даже не понял, вкусной ли была еда, которой накормила их хозяйка. Ромка постоянно хотел есть, и от этого любая пища казалась ему вкусной. Тем более внимание его было привлечено не к тому, что находилось в тарелках, а к тому, что рассказывал Антон, который за все время, что они провели в дороге, ни словом не обмолвился о полученной в течение дня новой информации.

На прямой вопрос Ромки он так же прямо ответил:

– Вот приедем – все равно рассказывать придется, а два раза одно и то же повторять мне в лом.

– Вредный ты, – вздохнул Дзюба. – Я-то тебе все рассказал, как дурак, а ты...

– Ты не дурак, – рассудительно заметил Антон, пряча улыбку. – Ты настоящий надежный товарищ. И слушать твои рассказы во второй раз я не собираюсь. Мы обсудим с Каменской то,

что необходимо, и я поеду домой, а ты останешься и будешь ей рассказывать все, что захочешь. А уж обратно добираться будешь на электрическом поезде. И попробуй не обижаться на меня, ладно, Ромчик? Ты же понимаешь, что мне нужно домой. И ждать, пока ты все расскажешь Каменской, я просто не могу. При всем моем уважении к ней.

Роман несколько секунд колебался, обижаться или не стоит, и решил, что, пожалуй, смысла в этом никакого нет. Теперь же он с большим интересом слушал, как Антон рассказывает о продажах спортсменов.

– Это прямо рабство какое-то! – удивился Дзюба. – Ну как это так: взять и продать человека, как будто он кукла. А почему берут – не сказали?

– Я не спросил, – рассмеялся Антон, – но, наверное, недешево. Во всяком случае, как мне сказала Волынец, иногда деньги брали официально, типа на нужды Федерации, но чаще – наличными, себе в карман.

– Два сезона пропустить, – удрученно покачал головой Дзюба. – Могу себе представить...

– Или один, если тебя отпустили и дали разрешение, – заметил Антон. – Пропускать-то в любом случае придется, вопрос только в том, сколько: год или два.

– А что будет, если все-таки самовольно уйти? – спросила Каменская. – Что Федерация может сделать? Ловить его по всей Европе или Америке? Какой механизм воздействия?

– Насколько я понял, Федерация пишет протест в ИСУ с требованием дисквалифицировать спортсмена на два года за самовольный переход в другую Федерацию.

– А если они не напишут? – продолжала допытываться Настя.

– Тогда никто не узнает, наверное, – пожал плечами Антон.

– То есть получается, что Федерация банально стучит на своего бывшего спортсмена? – возмутился Дзюба. – Ничего себе нравы у них там! Выходит, даже если спортсмен нашей стране не сильно нужен, с него либо сдерут три шкуры, либо накатают ябеду.

– Ну, или с него самого, или с другой Федерации, или с родителей заинтересованной стороны. Но в целом ты прав, так и получается.

– Все равно я не понимаю, – заупрямился Роман. – Ну, парник там или танцор – понятно, если партнерши нет у нас, а где-то там за границей она есть. Но одиночники-то зачем уходят? Неужели для того, чтобы стать чемпионом какой-нибудь маленькой страны?

– Вот я тоже об этом спросил у Волынец, а она мне объяснила, что золотая медаль – это не цель, что первым местом в маленькой стране никого не обмануть, все равно весь спортивный мир понимает, что ты катаешься плохо, если ты катаешься плохо. Но если ты первый в своей стране, то как чемпион имеешь право выехать на международные соревнования. А это дорогого стоит. Тебя увидят и заметят судьи... В общем, для них это важно. Но это важно и для самой страны: показаться на международном турнире, название страны будет звучать, а то ведь многие даже и не знают о том, где эта страна находится и вообще такая есть на карте, – объяснил Антон и в очередной раз посмотрел на часы.

По тому, как изменилось выражение его лица, Роман понял, что его товарищу пора уезжать. Еще минут десять они договаривались, кто из них и что именно будет делать для поиска связи между Михаилом Болтенковым и Инной Ефимовой, после чего Антон уехал в Москву, к детям.

* * *

Этот добродушный рыжеволосый голубоглазый мальчик вызывал у Насти Каменской глубокую симпатию и какие-то почти материнские чувства: он был таким искренним и, при всей специфике своей работы, так хотел верить в торжество добра и справедливости!

– Анастасия Павловна, что-то у меня сомнения насчет того, что Антон рассказал со слов этой Волынец. Ну не может такого быть! Ну правда же, рабство какое-то!

– Давай проверим, – согласилась она.

Хорошее качество у мальчика – во всем сомневается, все перепроверяет, не ленивый, любит искать информацию. Чем-то он напоминал Насте ее саму в двадцать пять лет. Только у Ромки уверенности в себе побольше. Она в его возрасте всех боялась, и начальников, и коллег. Но больше всего на свете Настя Каменская тогда боялась совершить ошибку.

А вот Ромка совсем другой, ошибка для него – не катастрофа, а просто источник извлечения нового полезного опыта. Эх, если бы она в молодости была такой же умной, как это Рыжик! Сколько нервных клеток удалось бы сохранить...

Она принесла свой компьютер, и Дзюба уселся искать информацию, а Настя принялась мыть оставшуюся после ужина грязную посуду. Со второго этажа не доносилось ни звука: Санек и Петруччо ухитрились проводить время совершенно бесшумно, сидя каждый за своим компьютером и почти не разговаривая. Только изредка раздавались тяжелые Петины шаги, когда парень выходил в туалет.

– Вот, сейчас посмотрим документы Международного союза конькобежцев, – приговаривал Роман, открывая по очереди ссылки. – Их тут целых три штуки: Конституция ИСУ; Общие правила ИСУ; Специальные и технические правила по одиночному и парному катанию и танцам на льду. Прикиньте, Анастасия Павловна, у них своя конституция есть. Прямо настоящее отдельное суверенное государство это ИСУ.

Перспектива изучать нормативные документы, регулирующие фигурное катание, ее отчего-то не вдохновила, пусть Ромка читает, если ему интересно, а она пока позаботится о племяннике: его пора накормить и заставить принять лекарства. Кормить Саню, когда рядом Петруччо, – задача не для слабонервных. И за все время, что Настя жила здесь, решить ее не удалось ни разу. Как, скажите, люди добрые, можно заставить восемнадцатилетнего компьютерного гения съесть манную кашу, если рядом целый день находится еще более крутой гений программинга, который принес с собой целый огромный пакет чипсов, жареной картошки, гамбургеров и колы? Тут объединяются психологический и физиологический моменты: и в лом, и неохота. Настя все прекрасно понимала, но ведь она обещала брату и его жене... Задача казалась невыполнимой. Но, тем не менее, она предпринимала все новые и новые попытки, искала варианты и подходы, и в конце концов проблема «накормить Саню в присутствии Пети» превратилась для нее в веселую шараду, которую она разгадывала с азартом и увлечением.

Она разогрела в микроволновой печи кашу, на этот раз рисовую, а на сковороде – изрядную порцию жаркого с бараниной, положила на тарелку нарезанные крупными дольками помидоры и маринованные огурцы, поставила все на поднос, не забыв хлеб, приборы и салфетки, и поднялась на второй этаж. Саня и Петруччо увлеченно занимались чем-то, сидя рядом за одним компьютером.

– Петя, вот твоя каша, – механическим голосом, чтобы не было понятно, что она давится от смеха, произнесла Настя. – Съешь, пожалуйста, все, у тебя диета, тебе нужно следить за здоровьем.

– Ага, – машинально бросил толстяк Петруччо, не поворачивая головы.

Он, похоже, даже не расслышал, что именно сказала ему Санькина бабка-пенсионерка, но на всякий случай агакнул, чтобы та быстрее отвязалась.

– Саня, тебе жаркое, у тебя ограничений по питанию нет. И не забудь дать Пете таблетки.

Племянник оказался более внимательным, и какое-то несоответствие в порядке слов все-таки задело его слух.

– Питеру кашу, а мне? – спросил он, однако глаз от экрана не оторвал.

– А тебе ничего, – ответила Настя. – Я же сказала: Пете кашу и таблетки. А ты перебьешься.

Оставив Саню в полном недоумении, она быстро повернулась и сбежала вниз по лестнице. Ромка в кухне-столовой тоже сидел, уткнувшись в компьютер, и на какой-то момент

Насте показалось, что она живет в сюрреалистическом мире, в котором ее поколение доживает свой век на помойке, никому не нужное с наивными и бесполезными представлениями о чувствах, переживаниях и страданиях, а следующее поколение вообще не живет, углубившись в мир бездушного железа и лживой информации. А кто же тогда дышит на Земле, если одни уже заканчивают свой путь, а другие его и не думают начинать?

– Анастасия Павловна, а давайте я вам вслух технические правила прочитаю, – неожиданно предложил Дзюба.

Она опешила.

– Зачем?

– Интересно же!

Вот какой парень, и все-то ему интересно...

– Ну, давай, – согласилась Настя. – А я пока картошку начищу, чтобы на завтра своим мужчинам отваренную оставить.

Дзюба начал читать.

– ...Правило триста два, пункт один: парное катание состоит из короткой программы и произвольного катания.

– Очень познавательно, – фыркнула Настя. – Можно подумать, никто об этом не знает.

Она на несколько секунд отвлеклась в поисках обычного ножа – специальный нож для чистки картофеля основательно затупился, и очнулась только тогда, когда ей показалось, что она ослышалась.

– Повтори! – потребовала Настя. – Или я чего-то не поняла?

– Правило триста два, пункт четыре, – послушно повторил Роман. – Состав пары: одна женщина и один мужчина.

Настя расхохоталась так, что даже нож выронила.

– Это что, Рома? Для кого эти правила пишут? Для дебилов? Одна женщина и один мужчина! Подумать только! Какое откровение! А что, есть варианты? Пара может состоять из двух женщин и трех мужчин?

Дзюба дал ей отсмеяться и совершенно серьезно пояснил:

– Вот напрасно вы так хохочете, Анастасия Павловна. Между прочим, там дальше, в правиле триста три, то же самое написано про танцевальные пары. И не зря.

– То есть?

– Я тут случайно узнал, что в первой половине двадцатого века были попытки выступать однополыми парами, две женщины или двое мужчин. Вот чтобы этого не было, они и ввели это отдельным пунктом в правила.

Настя оторопела.

– Ты серьезно? Да быть такого не может! Выдумки это!

– Никакие не выдумки, – обиделся Дзюба. – Я специально фильм смотрел документальный про историю фигурного катания, там про это сказано и даже кадры есть. Своими глазами видел.

– Ромка, ты фантазируешь.

– Ну век воли не видать, Анастасия Павловна! Хотите, найду сейчас в сети и покажу вам?

– Ну, покажи.

Она была на сто процентов уверена, что Ромка что-то путает, и спокойно продолжала чистить картошку. Начистить нужно было много: во-первых, часа через два явится Чистяков, голодный как волк, а последнюю порцию жаркого она только что отдала мальчишкам. Осталось еще немного молочной каши, но кормить ею мужа совесть не позволяет. Во-вторых, завтра Лешка будет дома и ему, Саньку и Петруччо (как же без Петруччо-то, наверняка придет часов в двенадцать дня и просидит у них до глубокого вечера) нужно будет чем-то питаться.

Еще со времен своей молодости Настя Каменская твердо знала, что спасти ситуацию всегда можно отваренным заранее картофелем, который потом либо разжаривается в виде гарнира, либо заливается яйцами (а хорошо бы и колбаски порезанной туда добавить), либо используется в качестве основы для незамысловатого салата, либо поедается в холодном виде с подсолнечным маслом и крупной солью.

Ромка искал долго, и это еще раз уверило Настю, что ему приснилась эта глупость и никаких таких кадров в том фильме нет.

– Вот, нашел. Идите смотрите.

Настя положила в раковину недочищенную картофелину и нож и подошла. И правда, двое мужчин.

– Сейчас я еще пару из двух девушек вам найду.

Она осталась стоять за спиной у Дзюбы, наблюдая, как тот ищет нужное место, периодически нажимая на «стоп». Неожиданно глаз зацепился за нечто странное и в то же время знакомое.

– Стой, – скомандовала она. – Верни то, что сейчас было.

На экране замерли линии и петли, образовавшие красивый элемент орнамента. Те же самые линии и петли, из которых состояли изображения на картинах, висящих на стенах в квартире Аллы Томашкевич.

– Что это? – напряженно спросила она.

Дзюба запустил воспроизведение, и Настя стала слушать текст диктора:

«Знаменитые фигуры, которые чертил на льду выдающийся русский фигурист Николай Панин-Коломенкин, и по сей день никто не может повторить».

Интересно получается. И Антон, рассказывая ей о Жене Зеленове, и мать Зеленова, актриса Томашкевич, упоминали имя великого спортсмена, выполнявшего сложнейшие фигуры с одного толчка. А талантливый мальчик Женя сумел их повторить, вызывая тем самым и восторг, и зависть других фигуристов. И в то же время Алла Владимировна на вопрос Насти о картинах небрежно ответила, что автор – какой-то художник, а картины ей просто нравятся, потому что успокаивают ее.

Могла Алла Владимировна не знать, что изображенные на картинах рисунки являются фигурами Панина-Коломенкина? Вряд ли, потому что с гордостью говорила о таланте своего сына, о том, что в «школе» ему не было равных и он, в отличие от многих других, мог повторить фигуры Панина-Коломенкина. Значит, знала. И при этом даже не подумала о том, что художник, который рисует эти фигуры, тоже наверняка фигурист. Она вообще ничего об этом художнике не знает. Почему-то он ей неинтересен. А вот почему?

Какая-то во всем этом есть неправильность. Мать трагически погибшего фигуриста покупает картины художника, бывшего фигуриста, и при этом не знает о том, что он спортсмен... Впрочем, сам художник вовсе не обязательно должен быть бывшим фигуристом, он просто рисует то, что ему заказывают. Заказывает та же Алла Владимировна в память о погибшем сыне. Но тогда никак не получается правдивым утверждение о том, что это какой-то художник, о котором Томашкевич ничего не знает и вообще не знакома с ним.

– Рома, а ты почему этот фильм смотрел? Зачем?

Дзюба пожал плечами.

– Так интересно же! Я про фигурное катание совсем ничего не знаю, кроме названия. Как-то повода не было интересоваться. А тут приходится заниматься. Надо же понимать, с чем мы дело имеем. И потом, мне просто любопытно. А что? Почему вы спросили? Не надо было?

– Надо, – улыбнулась Настя. – Ох, как надо! Ромка, ты или гений, или у тебя потрясающее чутье. Или тобой руководит невидимая длань. С актрисой Томашкевич у нас большие проблемы, оказывается.

Она рассказала Роману про картины в квартире Аллы Владимировны. Дзюба озадаченно покрутил головой, взъерошил рыжие вихры на макушке.

– И как вы считаете, когда мне об этом рассказать следяку? Или, может, пока вообще не рассказывать?

– Это зависит от того, есть ли тебе чем отчитаться, – засмеялась Настя. – Если совсем пусто, то придется рассказывать, иначе получится, что ты бездельник и ничего полезного для дела не сделал за отчетный период. Тебе что велено было делать?

– Искать свидетелей в доме Ламзина. Баглаев надеется, что Ламзин предоставил для экспертизы не ту одежду, в которой выбегал следом за Болтенковым и которая находилась на нем в момент выстрела. Ну а я, соответственно, надеюсь на обратное.

– И как? Нашел кого-нибудь?

Роман сокрушенно вздохнул.

– Никого пока. Ни да ни нет, ни туда ни сюда. Но вы же сами знаете, какой это геморрой – отлавливать жильцов и их гостей...

– Да знаю я, знаю, – успокоила его Настя. – Чего ты передо мной оправдываешься? Я тебе не начальник. А про травлю Аникеева ты ему докладывал?

– Нет еще. Я Виталию Николаевичу сказал. Но Баглаев его послал с этой версией подальше. Так что и я соваться не буду, пусть думает, что это частные детективы нарыли, а я честно делаю то, что следяк велит. Агентуру поднимаю, всяких подпольных оружейников за нервные окончания дергаю, короче, ищу следы травматика, из которого Болтенкова застрелили, и связь этого травматика с Ламзиным.

– Вот и славно, – улыбнулась она. – И молодец. Правильное дозирование информации – залог хорошей репутации опера в глазах следствия и руководства розыска. Учись, Ромка. Кстати, про Баглаева. Я когда-то имела с ним дело, раза два или три, но, правда, давно, еще когда служила. Он вообще-то настоящий профи в своем деле, даже странно, что у вас с ним не сложилось. Я понимаю, что тайна следствия и все такое... Но может, ты объяснишь, из-за чего весь сыр-бор?

Она видела, что Роман мнетя, жметя и не может решить, рассказывать ли ей о следователе или воздержаться.

– Анастасия Павловна, я не могу, – наконец выдал он, жутко покраснев при этом. – Не обижайтесь, ладно? Но вы же работаете на адвоката, вы ему обязательно об этом расскажете, он может показать Баглаеву свою осведомленность, и с меня так башку сорвут, что даже следов не останется, что она вообще у меня была.

– Ладно, – вздохнула Настя. – Я не обижаюсь, я понимаю. Правда, на твоём месте мне бывать не приходилось, я, пока опером была, с частным сыском не сталкивалась, но твои соображения мне в целом понятны. Тогда я сама расскажу тебе про Тимура все, что помню. А помню я две вещи. Первая: он страшно не любит, когда на него кричат и когда его подгоняют.

– Так кто ж это любит! – заметил Дзюба. – Никому такое не нравится. Анастасия Павловна, а можно мне еще кусочек хлеба?

Настя с улыбкой посмотрела на парня. Голодный, молодой, увлеченный работой. Она уж думала, что в нынешних теплицах таких не выращивают. Быстро сделала огромный бутерброд, положив на кусок хлеба все подряд – и колбасу, и сыр, и тонко отрезанный кусок отварной говядины, приготовленной для Саньки – все равно ведь не съест, паршивец!

– Может, чайку? – предложила она, глядя на жующего оперативника.

– Да не надо, не морочьтесь, можно просто стакан воды.

Но Настя, конечно же, налила ему чаю.

– Продолжаем разговор, – сказала она, снова усаживаясь за стол напротив Дзюбы. – Никто не любит, когда орут и подгоняют, это ты верно заметил. Но Тимур не любит особенно. У него наступает аффективная дезорганизация мышления. Слышал такое определение?

– А как же, – кивнул Роман. – Мы в курсе судебной психологии проходили. Я даже в научной работе, которую на слушательский конкурс подавал, чуть-чуть про это писал. Неужели у Тимура Ахмедовича эта штука? А с виду не скажешь, он такой спокойный, собранный, у него все по порядку, все аккуратненько...

– Так вот именно! Ты все правильно заметил! Человек в нормальном состоянии, вне стресса, именно такой, каким ему комфортно быть. Тимуру комфортно, когда все спокойно, размеренно, по плану, по порядку, по закону, по правилам. Но как только возникает стресс, он теряет возможность быть таким, потому что на него кричат, его ругают, от него требуют чего-то такого, что этим его порядком не предусмотрено. И он начинает делать ошибки. Это я не к тому, чтобы ты умышленно этим пользовался и выводил его из себя, ни в коем случае! – Она предостерегающе подняла руку. – Я говорю это тебе только для того, чтобы ты лучше понимал его поступки.

– Я понял, Анастасия Павловна. А второе?

– Что – второе?

Увлечшись, она совершенно забыла о том, что сказала вначале.

– Ну, вы говорили, что помните о Баглаеве две вещи, – напомнил Дзюба.

Настя ощутила болезненный укол. Возраст, возраст... Когда-то она гордилась своей памятью, из недр которой в любой момент могла извлечь любую информацию, которая хоть когда-нибудь в нее попадала. Теперь не то. Всего несколько минут прошло, а она уже потеряла нить разговора, забыла, с чего начала. Плохо. С этим надо что-то делать.

– Да, – рассеянно кивнула она, пытаясь отогнать расстроившие ее несвоевременные мысли. И повторила уже тверже: – Да. Второе. Наш друг Тимур Ахмедович коллекционирует филологические ляпы. Ты об этом знал?

Голубые глаза Ромки заблестели и приобрели поистине неописуемый цвет.

– Филологические ляпы? Это что? Несуразицы? Глупости?

– Именно. Так что если хочешь его порадовать, неси в клювике что-нибудь эдакое, – посоветовала Настя.

– А где это можно взять? – растерянно спросил он.

– А ты в памяти покопайся, ты же массу наших служебных документов читал, – произнесла Настя и тут же прикусила язык.

«Наших служебных документов»... Каких таких «наших»? Она уже давно потеряла право на это слово. Она пенсионерка. Она в отставке.

– Он только юридические ляпы собирает, что ли? – уточнил Дзюба.

– Только юридические, – подтвердила она.

Ромка закатил глаза, наморщил лоб и зашевелил губами, пытаясь вспомнить что-нибудь эдакое, потом огорченно посмотрел на Настю.

– Ничего в голову не приходит. Разве что вот это: «След представляет из себя человека, обутого в еще нерастоптанные валенки». Это из протокола осмотра места происшествия. Помню, мы с ребятами дико ржали, когда это прочитали. Больше ничего вспомнить не могу.

А вот Настя Каменская могла вспомнить. И еще как могла! Неужели правда, что с возрастом ослабевает только кратковременная память, а долговременная сохраняется? Она через несколько минут ухитрилась забыть собственные же слова, зато отлично помнит замечательные по своей несуразности фразы из виденных когда-то документов. И сейчас эти фразы могут здорово помочь молодому оперу Ромке.

– Записывай, – сказала она с улыбкой.

Дзюба тут же схватил в руки лежащий на столе планшет.

– «При осмотре места происшествия установлено, что Дорина покончила жизнь самоубийством без признаков насилия, то есть повесилась правильно», – начала она диктовать. – Это из осмотра. Теперь из рапортов сотрудников милиции: «В парке был обнаружен труп

Сизова, который через час скончался в больнице». Еще, тоже из рапортов: «Я обратился к Карпову с просьбой прекратить хулиганские действия, но на мои уговоры он не реагировал правильно, а при помощи гитары ругался матом и грозил мне убийством».

Палец Романа порхал над сенсорной клавиатурой, набирая текст. Было видно, что навык в этом деле у парня изрядный.

– Послушать бы, как это звучало, – мечтательно произнес он, услышав последний пассаж.

– И вот еще, – продолжала Настя, – из протокола эксгумации трупа: «Эксгумированный труп для производства повторного исследования был передан судебно-медицинскому эксперту Сергееву, который после окончания исследования был помещен в гроб, закрыт крышкой, забит гвоздями, гроб опущен в могилу, засыпан землей и могиле придан первоначальный вид».

– Бедный Йорик, – притворно вздохнул Дзюба. – Несчастный эксперт Сергеев. Каково ему было узнать про себя такое...

– Это у вас что тут? – раздался зычный голос Чистякова. – Диктант на экзамене по русскому языку?

Настя вздрогнула и обернулась. Увлеченная разговором, она не услышала, как вошел муж. Впрочем, Лешка всегда отличался завидной способностью ходить и вообще двигаться совершенно бесшумно. Не то что она, нескладная и неуклюжая: вечно что-нибудь заденет, на что-то наткнется...

– Ой, здравствуйте, – испуганно проговорил Роман, вскакивая со стула.

Настя подошла к мужу, поцеловала.

– Привет, супруг мой. Зачем честной народ пугаешь? Крадешься, яко тать в ночи.

– Так мне же интересно, чем драгоценная супруга в мое отсутствие занимается, – улыбнулся Леша. – Вот, вижу – молодых людей привечаешь, грамотности обучаешь. Похвально. А поесть дадут?

– Конечно.

Ромка начал торопливо собираться.

– Анастасия Павловна, спасибо вам большое, я поеду.

Она вышла вместе с Дзюбой из дома, проводила его до ворот, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы полнее ощутить вкус пусть сырого и прохладного, но все-таки весеннего, даже уже почти летнего воздуха.

– Спасибо вам, – еще раз повторил Ромка. – А вы не боитесь одна по вечерам в таком доме оставаться? Темно вокруг, соседи далеко, участки-то вон какие огромные, если что – не докричитесь. Ваш муж всегда так поздно возвращается?

– Да нет, – рассмеялась Настя. – Как раз наоборот, он чаще всего сидит здесь, работает дома, но когда выбирается в свой институт, то старается сделать как можно больше и решить все текущие проблемы, чтобы обеспечить себе возможность еще несколько дней посидеть дома. Поэтому если уж уезжает на работу, то возвращается к полуночи. И потом, я не одна в доме, у меня наверху два оглоуда торчат, одному восемнадцать, другому чуть побольше, да ты его видел, ты же вместе с ним в прошлый раз пришел.

– Я помню, – усмехнулся Ромка. – Видел я вашего Петю, даже разговаривал с ним. Если второй такой же отмороженный на железе, то защитники из них те еще. У вас хоть оружие-то есть дома?

– Не-а, – весело ответила Настя.

– А стреляете хорошо?

– Вот стреляю я действительно хорошо, – засмеялась она. – Но только для собственного удовольствия, в тир езжу регулярно на тренировки. А для жизни все равно вряд ли пригодится.

Она посмотрела на часы:

– Рома, если ты хочешь успеть на электричку в двадцать три семнадцать, то тебе надо двигаться в быстром темпе.

Она нажал на кнопку брелока, открывающего изнутри калитку в воротах, но Дзюба все стоял и мялся, будто хотел что-то еще сказать.

– Что, Рома?

– Анастасия Павловна, а вы не скажете мне, где проходят ночные съемки у Томашкевич? Вы же вроде узнавали.

Настя с интересом посмотрела на оперативника. А ведь он прав, зачем время терять? Если известно, где находится в данный момент Алла Владимировна, то почему не поехать и не поговорить с ней прямо сейчас? Соблазн оказался столь велик, что Настя Каменская противостоять ему не смогла.

– Постой минутку, – попросила она. – Не уходи, я сейчас вернусь.

Она бегом вернулась в дом, где Чистяков, уже переодевшись, восседал за столом, ожидая ужин.

– Лешик, мне надо съездить с Ромкой в одно место, – торопливо проговорила она, доставая из холодильника то, чем намеревалась кормить мужа.

– Уж кто бы сомневался, – фыркнул Чистяков. – Когда есть выбор между молодым мужчиной и старым, то никаких вариантов нет.

– Ну, Леш, – пронила она, ставя пластиковый контейнер в микроволновку, а сковороду на плиту, – ну мне правда надо, это же моя версия, мой результат. Не сердись, пожалуйста.

– Да не сержусь я, не сержусь, – расхохотался Алексей. – Просто всегда интересно понаблюдать за тобой, когда ты чувствуешь себя виноватой. Редкое зрелище. Ты же всегда права.

– Вот и неправда. – Настя с облегчением поняла, что Лешка и в самом деле не в претензии. – Я чаще всего не права, поэтому у меня непреходящее чувство вины и собственной неполноценности. Я побежала?

– Беги, – кивнул Чистяков, открывая книгу. – Ребенок в порядке? Указания будут?

– Ребенок с Петей, еду отнесла, но не уверена, что они поели. Про лекарства напонила. Микроволновка стоит на три минуты, конфорку под сковородкой выключить через пять минут, – отрапортовала Настя, зашнуровывая кроссовки. – Хлеб не забудь взять. Горчица к мясу в холодильнике.

– Слушай, иди уже, а? – шутливо взмолился Алексей. – А то я без тебя не разберусь...

Она выскочила на крыльцо, держа в руке ключи от машины. Дзюба послушно стоял у самой калитки, ровно в том месте, где Настя его оставила. Через несколько минут они уже выезжали из поселка на шоссе, ведущее к МКАД. До подмосковного города, в одном из клубов которого проходила ночная съемка сериала с участием Аллы Томашкевич, им придется добираться около часа. Если повезет, конечно, и Кольцевая не окажется забита фурами, которым проезд разрешен только после 22 часов.

* * *

Поставить машину перед клубом, где проходили съемки, было не так-то просто: подъезд перекрывали «гелендвагены», автобусы и множество автомобилей. Пришлось припарковаться метрах в трехстах от нужного места и дальше идти своим ходом.

– Рома, с боями будешь прорываться ты, у тебя ксива есть, а разговаривать с Аллой буду я, ладно?

– Конечно, Анастасия Павловна, – безропотно согласился Дзюба.

Когда им удалось наконец добраться до собственно съемочной площадки, выяснилось, что Алла Владимировна «на гриме»: запланированные на сегодня сцены, относящиеся к одной серии, уже отсняли, теперь предстояло снимать то, что будет происходить в другой серии, и актриса должна выглядеть по-другому. Пришлось ждать.

Увидев Настю, Томашкевич приветливо помахала ей рукой:

– Пришли посмотреть, как снимают сериалы? – Она выглядела собранной, деловой и ничуть не уставшей.

«Ужасная профессия, – подумала Настя, глядя на актрису. – Час ночи, впереди еще два часа съемок, с точки зрения физиологии – самое неподходящее время для активной деятельности. Работа в ночное время всегда считалась вредной для здоровья, за ночные смены платили больше, даже если это было просто тупое отсиживание для галочки, без особой нагрузки. А тут не отсидишься. Как они выдерживают?»

– Алла Владимировна, я хотела спросить у вас: что изображено на тех картинах, которые висят у вас дома? – спросила Настя, решив не тратить время на реверансы.

В глазах актрисы мелькнуло напряжение и словно бы неудовольствие.

– Это просто рисунки, я же вам сказала.

– Но они ведь должны что-то обозначать, символизировать, – настойчиво говорила Настя. – И я спрашиваю вас: что они обозначают?

– Ровным счетом ничего, – Томашкевич отвечала спокойным голосом, но Настя отчетливо слышала проступающую растерянность, смешанную со злостью.

– Алла Владимировна, кто автор этих картин?

– Вы уже спрашивали. И я вам ответила: я не знаю. Какой-то художник.

– Какой? У него есть имя?

– Имя? Есть, наверное... Я не помню. Какое-то простое. Я не понимаю, при чем тут картины и какой-то художник! Вы приходили ко мне домой, говорили про убийство Женечкиного тренера, и это я хотя бы могла понять! – Злость звучала все отчетливее, и Настя Каменская уже не сомневалась в том, что они на правильном пути. – Какое отношение к тренеру имеют эти картины?!

– Не сердитесь, Алла Владимировна, – примирительно произнесла Настя. – На этих картинах изображены фигуры выдающегося фигуриста Панина-Коломенкина. И именно ваш сын был одним из немногих, если вообще не единственным, кто сумел повторить их. Вы не можете этого не знать. Так кто автор? Как имя этого художника?

Томашкевич, казалось, немного успокоилась, во всяком случае, голос ее звучал глуше и мягче.

– Но я действительно не знаю.

– Хорошо, откуда у вас берутся эти картины? Ведь не с неба же они падают, правда? Вы их где-то находите, покупаете...

– Нет! – почти выкрикнула актриса, тут же снова взяла себя в руки и заговорила тише: – Я их не нахожу и не покупаю. Мне их привозят.

– Кто привозит?

– Одна моя знакомая.

– Алла Владимировна, вас в любой момент могут позвать на площадку, – с укором сказала Настя, – а вы тянете время, вероятно, в надежде, что я не успею задать все свои вопросы. Давайте закончим этот детский сад. Кто привозит картины?

– Ну... Оля привозит.

Опять двадцать пять! Ну неужели взрослый человек, немолодой, за пятьдесят уже, продолжает надеяться, что все как-нибудь обойдется, рассосется и полиция уйдет, не получив нужных ответов? Конечно, Анастасия Каменская – далеко не полиция, Алла прекрасно знает, что она всего лишь частный детектив, существо бесправное и ни для кого не опасное. Но вот же рядом стоит старший лейтенант Дзюба, настоящий полицейский с настоящим удостоверением, которое Алле Томашкевич, конечно же, показали. Так на что она рассчитывает? На авось? Или на глупость собеседников?

– Какая Оля? – терпеливо спросила Настя. – Фамилия у нее есть? Год рождения? Адрес? Номер телефона?

– Виторт. Ольга Виторт, – выдавила Томашкевич крайне неохотно. – Год рождения точно не знаю, ей чуть больше тридцати, по-моему. Адреса тоже не знаю, я никогда не была у нее дома.

– А телефон?

– Я не помню наизусть, он в мобильник забит.

– Посмотрите, пожалуйста, – настойчиво попросила Настя. – Окажите нам любезность.

– У меня нет с собой телефона, вы же видите, я одета для съемки.

– Хорошо, – согласилась Настя. – Нет – так нет. Спасибо, Алла Владимировна. Если что – я еще раз к вам наведаюсь. – Она помолчала, потом хитро улыбнулась и добавила: – Или не я. И это будет хуже для вас.

Как только они вышли из здания клуба, Настя достала из сумки телефон.

– Ты еще не спишь?

– Не-а, – послышался рассеянный ответ.

– Петя ушел?

– Не-а.

– Попроси его не уходить, я буду минут через сорок, – сказала она.

– Где будешь? – Племянник, казалось, очнулся.

Все-таки она правильно подметила: он не реагирует только на предсказуемые вещи. Любое нарушение привычного порядка информации заставляет Саньку хоть как-то встряхиваться.

– Дома буду, – засмеялась Настя, быстро идя вместе с Дзубой к машине.

– А ты где? Не дома, что ли?

– На свидании я. С молодым любовником. Сейчас привезу его домой, с тобой познакомлю.

– Ой... – На этот раз парня удалось по-настоящему озадачить. – А дядя Леша где?

– Дома, дома, успокойся. Короче: Петю не отпускай, сам не ложись, вы оба мне будете нужны. Все понял?

– А дядя Леша как же? – спросил Санек совершенно растерянно.

– А так же, – коротко ответила Настя и отключилась.

Очень хорошо. Во-первых, Санек на собственной шкуре прочувствует, каково это, когда с тобой разговаривают междометиями и ничего не объясняют. А во-вторых, сейчас она придет и впряжет юных компьютерных гениев в работу. Пусть принесут пользу если не Отечеству, то хотя бы тем, кто раскрывает преступления.

– Надеюсь, что Санек и Петруччо сильно облегчат нашу задачу, – сказала она, садясь в машину. – Тебя куда подбросить? Где ты живешь?

Ромка молчал, уставившись взглядом на собственные колени, обтянутые «потертыми» джинсами.

– Ро-ом! – окликнула его Настя чуть громче. – Ты меня слышишь? Я спрашиваю, куда тебя подбросить?

Он поднял на нее глаза.

– Анастасия Павловна, можно мне с вами? Или это неудобно?

– Это удобно, – без колебаний ответила она. – И не только удобно, но и правильно. Можно будет сразу обсудить все, что узнаем, и составить план действий, чтобы утром не терять время.

– Ваш муж не будет возражать?

Она насмешливо посмотрела на Романа.

– Для того чтобы мой муж начал возражать и вообще хоть как-то беспокоиться, я должна привести в дом Пласидо Доминго или Энтони Хопкинса. Фигуры более мелкого калибра у моего мужа ревность вызвать не могут. Он слишком хорошо и давно меня знает.

Судя по смущенному молчанию Дзюбы, он прикидывал, может ли старший лейтенант полиции соперничать с великим певцом или великим актером. И по всему выходило, что нет, никак не может.

* * *

К утру комната Саши Каменского напоминала свалку эпохи техногенных катастроф. По всему полу разбросаны пакеты из-под фастфуда и пустые пластиковые бутылки, поверх которых красовались исчерканные цветными фломастерами листы распечаток: Санек и его друг Петруччо искали информацию об Ольге Виторт, нахально вскрывали ее почту, залезали на ее странички на сайтах, читали переписку, шли дальше по адресам ее собеседников, копировали отрывки обсуждений, в которых участвовала Ольга, распечатывали... Настя и Роман быстро читали то, что находили ребята, подчеркивали фломастерами все, показавшееся интересным и значимым, и юные знатоки продолжали поиски. То и дело в комнату заходил Чистяков, приносил свежесваренный кофе для Насти и очередную бутылку холодной минеральной воды для Дзюбы.

Каждый раз, увидев мужа, Настя просила:

– Леш, вот послушай...

– Леш, вот посмотри, а то у нас уже глаз замылился...

– Леш, прикинь, пожалуйста...

В конце концов Алексей тоже притащил свой ноутбук и включился в процесс. Через какое-то время Настя заметила, что Петр с уважением поглядывает на ее мужа.

– Юное дарование заценило старого зубра, – шепотом сказала она Дзюбе.

– Это хорошо, – так же тихо откликнулся он. – А то он вас вообще в бабки записал.

Она прыснула и тут же испуганно оглянулась: не видит ли кто, как она веселится в то время, как все заняты серьезным делом. Но никто не видел, потому что все действительно были заняты.

В начале восьмого утра весь комплект информации, которую только можно было выудить из интернета, лежал перед Настей в виде аккуратно отпечатанного текста. Место жительства Ольги Виторт, место работы, образование, список ближайших родственников, которых оказалось весьма немного, имена друзей, с которыми она вела наиболее активную переписку. И даже анализ данных об этих друзьях, позволяющий выделить тех, с кем имеет смысл поговорить в первую очередь. Ольгу Виторт следовало изучить как следует еще до того, как знакомиться с ней лично.

Настя отправила Романа домой отсыпаться, а сама уселась за стол, положив перед собой информацию об интернет-собеседниках Ольги. В чатах она подписывается разными именами, иногда – «Ольгой», но чаще никами, один из которых «Лара Крофт». Это показательно. Значит, молодая женщина, которая привозит Алле Томашкевич картины загадочного художника, не чуждого фигурному катанию, позиционирует себя как решительную, жесткую и отлично физически развитую особу. Настоящая Лара Крофт из популярного фильма не знает жалости к врагу и легко убивает, если считает, что это справедливо. А Ольга Виторт? Насколько она похожа на свою любимую героиню?

Нужно попытаться узнать об Ольге побольше, но так, чтобы не спугнуть ее. Настя еще раз пробежала глазами сведения о друзьях и остановила свой выбор на некоей Альбине, которая, если верить тому, что она писала в сообщениях, сидит дома с маленьким ребенком. Значит, есть шанс застать ее по месту жительства без предварительной договоренности и побеседовать без посторонних ушей, ведь никаких упоминаний ни о няне, ни о маме или свекрови, которые помогают ей с малышом, в ее переписке не было.

Расчет себя оправдал, и Альбину удалось застать дома. Симпатичная улыбчивая молодая женщина не спускала девятимесячного младенца с рук и смотрела на него с таким выражением лица, что впору было писать с нее Мадонну.

Настя представилась, показала удостоверение частного детектива и сказала, что Ольгой Виторт заинтересовалась одна крупная фирма, название которой разглашать не положено. Фирма намерена сделать ей предложение о переходе к ним на работу, но предварительно хочет собрать сведения о кандидате. Ложь безобидная и никак не проверяемая: даже если Альбина расскажет об этом Ольге, то название фирмы Настя имеет право не разглашать.

Молодая мама понимающе кивнула.

– Вот хорошо-то! Оля такая способная, такая труженица, она заслуживает лучшей работы, чем та, на которой она сейчас. Только вряд ли я вам про Олю что-то интересное расскажу, в последнее время мы стали совсем редко встречаться, хотя раньше очень дружили, были неразлучны.

– А что случилось? Почему стали реже общаться?

– Ничего не случилось, просто я родила, и мне стало уже не до подружек, вы же знаете, сколько сил отнимают новорожденные.

Альбина тут же уткнулась носом в макушку ребенка и блаженно прикрыла глаза, вдыхая младенческий запах.

– Если выдавалась свободная минутка, я ее тратила на сон, знаете, я все время хочу спать, до сих пор хочу. – Альбина смущенно улыбнулась и снова поцеловала малыша. – А Оля много времени уделяет Алле Владимировне, так что нам стало трудно находить пару часов для того, чтобы встретиться. Но перезваниваемся, конечно, регулярно. И переписываемся в сети, это почти каждый день, хоть порой фраз перекинемся.

Настя сделала удивленное лицо:

– Алла Владимировна? Кто это? Ее мама?

– Нет, что вы, родители Оли погибли давно, никакой мамы у нее нет. То есть я так думаю, что теперь ей Алла Владимировна маму заменяет. Или замещает. Как посмотреть.

– Так кто это – Алла Владимировна?

– Алла Томашкевич, актриса. Знаете такую?

– Слышала, – осторожно ответила Настя. – Только я не поняла: они родственники?

– Ну что вы, какие родственники! Олька фанатично влюблена в Аллу Владимировну, давно еще, чуть ли не с детства. Алла для нее кумир. И Оля старается быть ей полезной, помогать как-то. Алла в сущности несчастный человек, несмотря на то что знаменитая актриса, и денег много, и узнают все на улице. Сначала сына потеряла, потом мужа. А до этого лет двадцать нигде не снималась, в театре только эпизодически роли получала, да и те третьего плана. В общем, не позавидуешь. Олька Аллу жалеет, поддерживает.

– Какой у Ольги характер?

– А вам зачем? – вдруг спохватилась Альбина. – Вы же сказали, что с Олей все в порядке и вы просто собираете сведения о ней как о кандидате на работу. Вы меня обманули? Она что-то натворила?

– Ничего не натворила, не беспокойтесь, – поспешно проговорила Настя. – Просто фирме очень хочется взять Ольгу на работу, но дело такое деликатное, что не хотелось бы ошибиться. Должность ответственная, высокооплачиваемая, но связанная с высокими нагрузками, сохранением конфиденциальной информации и требующая кристальной честности и чистой биографии.

– О, в этом смысле можете не сомневаться! Если нужно много работать, то лучше Оли вы никого не найдете. В лепешку расшибется, сделает невозможное, но выполнит все, что нужно.

– А как у нее с физической формой? Она может, например, двое-трое суток подряд не спать? А то у заказчика такие авралы бывают...

– Ой, да конечно! Оля вообще сильная и выносливая, как верблюд, она фитнесом уже много лет занимается регулярно, мышцы железные.

– А чужие секреты хранить умеет?

– Конечно! – горячо заверила ее Альбина.

Было видно, что она изо всех сил старается помочь подруге получить новую высокооплачиваемую работу и искренне переживает за нее.

Значит, физически развитая, выносливая, с хорошим интеллектом и к тому же «влюбленная» в Аллу Томашкевич... Еще ночью, выискивая и отсматривая все сообщения, подписанные «Лара Крофт», Настя и Дзюба обратили внимание, что в блогах, посвященных театру и кино, без комментария Лары не оставалось ни одно упоминание об Алле Томашкевич. Она немедленно вступала в дискуссию и яростно защищала актрису от нападков и даже от намеков на критику. Да, Ольга Виторт была по-настоящему преданной поклонницей актрисы. И, похоже, вполне годилась на роль убийцы человека, пусть и косвенно, но виновного в смерти Жени Зеленова, сына Аллы Владимировны.

Однако если это так, то должна быть последовательность... Болтенков виновен в том, что Женя получил заболевание сердца. Но ведь в том же самом можно обвинить и спортивного врача, который сказал, что Зеленов по состоянию здоровья может тренироваться и участвовать в соревнованиях. А потом можно обвинить и его партнершу Соню, предавшую любимого. И заодно тренера – большого любителя спать со своими ученицами. Они все виновны косвенно. Почему выбран только Болтенков?

«А с чего я, собственно говоря, решила, что выбран только Болтенков? – спросила сама себя Настя. – Может, остальные уже давно убиты. Я ведь даже фамилий их не знаю... Вот и хорошо, Ромка проспится, позвонит мне, и я его нагружу».

* * *

Если Анастасия Каменская полагала, что после ночной вахты Ромка Дзюба будет дрыхнуть до полудня, то она заблуждалась. Молодому старлею вполне хватило времени подремать в электричке и потом в метро, и в десять утра он был готов к новым подвигам. Например, к визиту в офис компании «Оксиджен», где Ольга Геннадьевна Виторт занимала должность начальника отдела закупок по непродовольственной группе товаров.

Прорваться через суровых охранников и несговорчивых девушек на ресепшене многоэтажного офисного здания оказалось делом непростым, но Ромка включил все имеющееся в наличии обаяние, подкрепил его удостоверением и сверху присыпал каким-то враньем, чтобы, с одной стороны, пропустили, но с другой – не просочилась информация о том, что он интересуется конкретной Ольгой Виторт из «Оксиджена».

В здании располагались офисы десятков компаний и фирм, и ему удалось убедить весь персонал первого этажа в том, что он в рамках какого-то мифического уголовного дела занимается изучением цен на бразильский кофе. Пока шел процесс уговоров, он успел осмотреть и запомнить вывешенный на стене перечень арендаторов офисных помещений с указанием этажей, на которых располагались фирмы.

Поднявшись на нужный этаж, он нос к носу столкнулся с симпатичным парнем с веселым открытым лицом.

– Не подскажешь, где отдел закупок? – спросил Дзюба.

– Которой? – Парень насмешливо посмотрел на него. – Тут этих отделов как грязи. Каждый по своей группе.

Роман вспомнил, что отдел, который возглавляла Виторт, имел какое-то длинное название, во всяком случае, после слова «закупки» шли еще какие-то слова. Выходит, это имеет значение...

– По непродуктивной... – начал было он, радуясь, что удалось вспомнить.

– В конец коридора иди, дверь справа, там написано, – тут же ответил парень. – Девчонки на месте, а ее как раз нет, так что иди смело, тебя никто не укусит.

– Кого – ее? – не понял Дзюба.

– Ну как кого... Лары. Ты же к Ларе в отдел идешь? Или к кому?

– А... Да, к Ларе. Спасибо, – торопливо проговорил Роман.

Значит, Ольгу Виторт даже на работе называют Ларой Крофт... Интересная у нее репутация!

Он дошел до двери, рядом с которой на стене висела табличка, уведомляющая, что именно здесь находится отдел закупок по непродуктивной группе товаров, и вошел без стука. За тремя рабочими столами и компьютерами сидели две девушки и один молодой мужчина. Девушки о чем-то увлеченно болтали, мужчина задумчиво смотрел на экран компьютера, где висела какая-то набитая цифрами таблица.

Девушки заметили посетителя и одали его ослепительными улыбками.

– Вы к нам, молодой человек? – кокетливо спросила одна из них, а вторая тут же заметила:

– Потому что если не к нам, то вы зря пришли. Ольги Геннадьевны сегодня не будет, она вместе с шефом уехала на переговоры.

– Ох, извините, ради бога, – Роман изобразил смущение. – Я, наверное, дверью ошибся. Мне в «Мега-мед» нужно. Это не у вас?

Он прекрасно знал, что офис фирмы «Мега-мед» находится на другом этаже. Но ведь нельзя обнаружить свой истинный интерес...

– Это вы не дверью ошиблись, а этажом, – захихикали девушки. – «Мега-мед» на два этажа выше.

– Спасибо!

В общем и целом он остался доволен визитом в «Оксиджен». Во-первых, он убедился в том, что информация в интернете не устарела. Ольга Виторт действительно там работает. Более того, она не в отпуске, не в командировке и не на больничном. Во-вторых, он получил первое представление о репутации Ольги в среде ее коллег. А вот теперь можно двигаться дальше. Хорошо бы, конечно, негласно осмотреть ее квартиру, но для начала следует проверить ее алиби на момент убийства Михаила Валентиновича Болтенкова.

И Роман позвонил Каменской.

– А ты чего не спишь? – удивилась та. – Я думала, ты отсыпаясь после ночи.

– Выспался уже. Можно мне воспользоваться помощью вашего племянника?

– Да ради бога, если он дома. А что ты собрался делать с помощью Саньки?

– Проверять алиби Ольги Виторт. Есть только один способ сделать это так, чтобы она не узнала, что ее проверяют.

– Понятно, – засмеялась Каменская. – Давай. Я сейчас подъезжаю к площади Гагарина, а ты где находишься?

Оказалось, что находится он далеко не рядом, но им быстро удалось составить маршруты обоих таким образом, чтобы одновременно оказаться в точке пересечения, где Каменская встретит Дзюбу и на своей машине довезет до «фаната программнга».

– Понимаете, я придумал вот такую схему, – говорил Роман, пока машина ползла по забитой транспортом Кольцевой дороге, – найти в интернете список сотрудников «Оксиджена», если повезет – то конкретно список сотрудников отдела, где работает Виторт, потом найти их странички и хакнуть. И посмотреть только переписку друг с другом, понимаете? Если найти личную переписку сотрудников компании друг с другом, то там вполне могут оказаться всякие сплетни и прочие сведения. Например, о совещаниях или каких-то командировках с участием Ольги. То есть сначала надо вскрыть странички Ольги еще раз и внимательно почитать, что она и кому писала в интервале плюс-минус день вокруг убийства Болтенкова. Если она куда-

то ходила, где-то была, то надо это проверить. И потом перепроверить по переписке ее сотрудников между собой и по переписке ее друзей, тоже между собой. Я плохо объясняю?

Ему показалось, что на лице Каменской отразилась скука, словно он нес какую-то око-лесицу. И Ромке стало не по себе.

– Объясняешь ты действительно фигово, – улыбнулась она, – но я поняла. Теперь послушай мои соображения. Алиби Ольги проверять надо обязательно, тут ты прав. И проверять надо так, чтобы она ни в коем случае об этом не узнала. Но прежде чем заниматься Ольгой, нужно установить еще трех человек: спортивного врача, который разрешил Евгению Зеленову участвовать в соревнованиях, партнершу Зеленова по имени Соня и их последнего тренера, проживавшего в тот момент в Санкт-Петербурге. Необходимо выяснить их имена и фамилии и местонахождение. Если все они живы и здоровы, то, возможно, насчет Ольги мы с тобой погорячились. А вот если хоть один из них стал жертвой преступления, то Ольгу придется брать в жесткий оборот. Поэтому мы с тобой едем ко мне домой и валяемся в ногах у Санька, если он дома. Для того чтобы сделать все это быстро, нужен очень мощный комп, набитый разными хитрыми программами. Открытую информацию мы с тобой и сами нашли бы, правда, не так быстро, но нашли бы. А вот вскрыть ни ты, ни я ничего не можем. – Она покосилась на него и уточнила: – Ведь не можем же, правда?

– Не можем, – заверил ее Ромка, отчетливо понимая, что кривит душой.

Очень даже он может. Но и в самом деле для этого нужен комп, набитый нужными программами, такой, как у Санька или у его друга Педро. Таких программ у Дзюбы нет в компьютере ни дома, ни тем более в рабочем кабинете на Петровке.

Когда открылись ворота, ведущие на участок дома Каменских, Ромкиному взору предстала поистине идиллическая картина: толстяк Петя сидел на каменных ступеньках крыльца и с мечтательным выражением на лице жевал не то гамбургер, не то чизбургер – издали было не разглядеть. Дзюба вышел из машины и направился к Пете, пока Каменская загоняла автомобиль в гараж.

– Ты чего тут сидишь?

– Саньку жду, – неторопливо ответил Петруччо.

– А что, в доме нет никого? А Алексей Михайлович где?

– Репу плющит, – равнодушно бросил Питер. – Не все же такие ломовые, как мы с Саньком. Он старый, ему отдыхать надо.

«Старый, – укоризненно подумал Роман. – Какой же он старый? Ты же сам видел, что он не меньше тебя умеет, а то и побольше».

Но вслух сказал совсем другое:

– Санька где? В институте?

– К соседям поплинтовал, его попросили комп почистить, шнягу какую-то поймали.

– Когда он вернется?

– Хрен знает... – Петя пожал плечами. – Как пойдет.

– А ты его комп можешь включить? – допытывался Дзюба.

– Да не вопрос. А надо?

– Надо. И срочно.

– Оки-доки.

Петр помолчал, потом спросил:

– Слушай, а чего мы вообще целую ночь делали-то?

Роман оторопел.

– Как это – что? Ты всю ночь искал инфу для нас и не понял, что ты делал? У тебя с головой как?

– Не, ну я понял, что искал, но я не вкурил зачем. Вы попросили – мы сделали, не вопрос, ближнему-то помочь... Так зачем мы все это делали-то?

Дзюба внимательно посмотрел на Петра и неодобрительно покачал головой.

– Вообще-то мы все помогали Анастасии Павловне. Это нужно для ее работы.

– Для какой работы, ты чего? – расхохотался Петя. – Она ж пенсионерка! Чего ты гонишь?

– Она не пенсионерка, – поправил его Роман. – Она офицер полиции в отставке. И сейчас работает в другом месте.

– Да ладно, брось ты! – махнул рукой Петр. – Ну и кем она может работать, когда ей сто лет в обед?

– Частным детективом.

Петруччо выпучил глаза и забыл прожевать очередной только что откушенный кусок.

– Да иди ты! Обалдайс! В рот носки! Правда, что ли? Или прикалываешься?

– Истинный крест! – шутливо поклялся Дзюба, в глубине души искренне веселясь. – А чего ты так удивляешься-то? Тебе разве Саня не говорил, где и кем работает его тетка?

– Не-а... Но если честно, то я и не спрашивал. Он мне сказал, что, мол, на пенсии, ну и чего дальше спрашивать-то? Понятно же, что раз старуха и на пенсии, значит, не работает.

Роман увидел, что из гаража вышла Каменская, поднялся со ступеньки, на которой сидел рядом с Петруччо, наклонился к нему и негромко проговорил:

– Прими совет, дружище: обрати внимание на то, что кроме твоего железа и прогсов в мире еще есть люди. И они далеко не всегда такие, какими ты их себе представляешь. Пошли комп включать, дело не ждет.

Петруччо молча отряхнул крошки с джинсов и свитера и вслед за Романом и Каменской вошел в дом.

* * *

Саня Каменский вернулся примерно через час, еще через полтора часа проснулся Чистяков, вежливо намекнул насчет обеда, и Настя с сожалением спустилась вниз, чтобы приготовить какую-нибудь еду для мужа, Романа и Пети и – отдельно – «правильную» еду для Санька.

«Толку-то от этого, – сердито думала она, нарезая овощи для диетического супа, – все равно ведь не съест, выливать придется. Но есть два больших плюса: во-первых, совесть моя будет чиста, во-вторых, я научусь хоть что-то готовить. Молочные каши и супы я уже освоила, пора продвигаться дальше. Хорошо, что картошку вчера сварила, как чуяла, что времени готовить полноценный обед не будет».

Чистяков обследовал продуктовые запасы в холодильнике, вытащил какую-то упаковку, изучил мелко отпечатанные цифры, свидетельствующие о сроке годности, потом зачем-то понюхал, хотя что можно унюхать в замороженном товаре?

– Могу мясо пожарить, – предложил он, с сомнением глядя на упаковку. – Оно уже давно лежит, пора его израсходовать.

– Долго. – Настя покачала головой. – Я что-нибудь попроще сделаю, чтобы побыстрее. Леш, глянь, пожалуйста, там колбаса нигде не завалилась?

Алексей внимательно обзрел все полки и достал завернутый в фирменную бумажку дорогого магазина кусочек чего-то непонятного, но в любом случае изрядно засохшего.

– Вот это, кажется, в доисторические времена было колбасой, – изрек он. – Ничего более юного я не вижу. А ты что планируешь?

– Хотела картошечку с колбаской яйцом залить, помнишь, как мы с тобой всю жизнь делали? – Она сняла шумовкой пену с воды, в которой варилась курица – Санькино диетпитание.

– Помню, – улыбнулся Леша. – Вкусно было. Давай я сгоняю в магазин, на машине за десять минут обернусь.

– Давай, – согласилась она с благодарностью. – Правда, захотелось потряхнуть стариной почему-то, вспомнить, как мы с тобой были молодыми и вечно занятыми. Помнишь, как нам с тобой казалось, что важнее работы в этой жизни ничего нет?

Чистяков посмотрел на нее насмешливо, но тепло.

– Можно подумать, что сейчас тебе кажется что-то другое. Все, я поехал. К сорту колбасы требования есть?

– Любая, только чтобы вареная, – ответила Настя. – Ой, Лешик, еще кетчуп захвати, ладно? Уж если вспомнить молодость, то во всех деталях.

– Кетчуп? – удивился он. – У нас же его полно было, я пару дней назад видел в холодильнике не то две, не то три бутылки.

– Так Педро же, – вздохнула Настя. – Он постоянно ест бутерброды с кетчупом, сначала съедает то, что приносит с собой, и Саньку этим кормит, потом они начинают шакалить по холодильнику и делать бутерброды, и кетчуп у них – обязательный ингредиент. Сегодня за ночь все и доели.

Она услышала, как за мужем закрылась дверь, и через короткое время в открытое окно донесся звук выезжающего из гаража автомобиля.

По звуку шагов по деревянной лестнице Настя определила, что спускаются Питер и Дзюба.

– Анастасия Павловна! – Ромка ворвался в кухню-столовую, размахивая распечатками. – У Ольги Виторт стопроцентное алиби! Мы все проверили, вот, смотрите!

Петя, не говоря ни слова, полез в холодильник. Взять там было нечего; по крайней мере, того, что можно было бы положить на бутерброд, не нашлось. И немудрено, после такой ночи... Парень молча взял кусок хлеба и снова открыл дверцу холодильника.

– Петя, кетчупа тоже нет, – заметила Настя. – Потерпи, скоро будем обедать.

Питер тяжело вздохнул, открыл шкафчик, достал банку меда, намазал на хлеб и уселся за стол. Он ориентировался в этой кухне не хуже хорошей хозяйки, точно знал, где что лежит.

Настя убавила огонь под кастрюлей, в которой варилась курица, и снова удивилась Дашиной причуде: поставить в современном доме газовую плиту.

«Блюда, приготовленные на газовой плите, имеют совершенно другой вкус, – уверяла жена брата. – На электрическом тепле такого вкуса никогда не получить».

Настя Каменская, честно говоря, никакой разницы не ощущала, но спорить не решалась.

Из распечатанных текстов следовало, что Ольга Виторт в день убийства Михаила Болтенкова находилась в Иркутске в деловой поездке, причем не одна, а с двумя коллегами. В вечер убийства (в Иркутске в это время уже наступила глубокая ночь) она сидела у себя в номере, в гостинице, в обществе менеджера своего отдела по имени Ксюша и начальника другого отдела компании «Оксиджен». Им к десяти утра нужно было проанализировать предложение партнеров и принять решение о стратегии и тактике ведения переговоров с ними. Дважды в течение этих посиделок устраивались получасовые перерывы, во время которых Ольга и Ксюша выходили в сеть и общались, а начальник дружественного отдела, как и подобает мужчине, читал новости мировой политики и экономики. Ольга за два перерыва успела написать три письма по электронной почте, причем одно из них довольно длинное, адресованное бывшей однокласснице, ныне проживающей в Австралии, обменяться сообщениями с кучей собеседников на «Фейсбуке», «Одноклассниках» и «ВКонтакте», а также проверить, не появилось ли новых комментариев об Алле Томашкевич, вероятно, чтобы немедленно кинуться в бой и защитить любимую актрису. При этом многим Ольга написала, что находится в Иркутске, что у них сейчас ночь и что они втроем готовятся к завтрашним переговорам. Проверка показала, что мобильное устройство, с которого Виторт выходила в интернет, находилось в тот момент действительно в Иркутске, а вовсе не в Москве.

Но это еще ни о чем не говорило...

– Рома, мы можем быть уверены в том, что она действительно была в Сибири в тот вечер? – недоверчиво спросила Настя. – Она ведь могла дать свой планшет или телефон кому угодно, кто улетал в Иркутск, дала все пароли и попросила выходить в сеть и оставлять сообщения от ее имени. А сама оставалась в Москве.

Эта мысль, совершенно очевидно, посещала и самого Дзюбу, потому что он молча протянул ей вторую пачку распечаток, состоящую из нескольких листов.

«Ксюша-Ксана

Да она совсем оупела, даже продаблиться надо отпрашиваться. Сама сидит, как пришитая, и никому выйти не дает.

Михаил

Ну ты что, на пять минут выйти в коридор не можешь? Позвони, я хоть голосок твой послушаю.

Ксюша-Ксана

Не хочу нарываться. С нашей Ларой Крофт не забалуешь. Она терпеть не может, когда во время мозговых штурмов кто-то выходит из комнаты.

Михаил

Почему? Что за блажь?

Ксюша-Ксана

Подозрительная очень. Наверное, были случаи, когда кто-то выходил во время обсуждения и сливал инфу. Можно подумать, что ее в интернете слить нельзя. Короче, таракан у нее такой. Ну ее на фиг совсем, связываться себе дороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.